

ЭЛИЗАБЕТ
ГАСКЕЛЛ

✧
Серая Женщина
✧

✧ ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА ✧

Зарубежная классика (АСТ)

Элизабет Гаскелл

Серая Женщина

«Издательство АСТ»

1861

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Гаскелл Э.

Серая Женщина / Э. Гаскелл — «Издательство АСТ»,
1861 — (Зарубежная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-154402-7

В этот сборник вошли девять рассказов в жанре мистики и ужасов Элизабет Гаскелл, и среди них — классическое произведение готического жанра XIX века «Серая Женщина». Привидения, преследующие живых. Легендарные ведьмы и чернокнижники Новой Англии. Загадочные портреты и манускрипты, могущественные проклятия, мстительные двойники и странные исчезновения... Чарлз Диккенс, сам охотно и талантливо творивший в готическом жанре, восхищался рассказами Гаскелл. Одни из них серьезные, другие ироничны. Некоторые неспешны и поэтичны, другие пугают не на шутку. Однако все до единого отличаются увлекательным сюжетом и ощущением тайны, находящейся совсем близко от привычного, повседневного бытия...

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-154402-7

© Гаскелл Э., 1861
© Издательство АСТ, 1861

Содержание

Исчезновения	6
Рассказ старой нянюшки	12
Рассказ помещика	24
Бедная Клэр	34
Глава 1	34
Глава 2	41
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Элизабет Гаскелл
Серая женщина
Сборник

* * *

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Исчезновения

Как правило, я не читаю альманах «Домашние страницы» регулярно, но недавно подруга прислала несколько старых номеров и посоветовала ознакомиться со всеми рассказами об уголовной полиции и органах правопорядка, что я и сделала, но не так, как большинство читателей, по мере еженедельного появления номеров, а с небольшими перерывами, подряд, как популярную историю столичной полиции и, как можно предположить, историю полиции любого большого английского города. Завершив знакомство с этими историями, не захотела читать другие, а предпочла предаться раздумьям и воспоминаниям.

Прежде всего я с улыбкой вспомнила неожиданный способ, которым один мой родственник был найден настойчивым знакомым, потерявшим или забывшим его адрес. Дело в том, что кузен мистер Б., милый во многих отношениях, обладает склонностью менять место жительства в среднем не реже одного раза в три месяца. Привычка создает определенные трудности для сельских друзей джентльмена: едва те успевают запомнить адрес: 19, Белвью-роуд, Хемпстед, – как вынуждены его забыть и начать учить новый: 27^{1/2}, Аппер-Браун-стрит, Кэмбервелл. И так далее без конца. Должна признаться, что скорее готова выучить целую страницу из «Словаря произношения» Уокера, чем постараться вспомнить все разнообразные адреса, куда в течение последних трех лет направляла письма мистеру Б. Прошлым летом родственник имел удовольствие переехать в очаровательную деревню в пяти милях от Лондона, с собственной железнодорожной станцией. Там и отыскал его приятель. (Не говорю о трех-четырех прежних адресах, которые пришлось обойти, чтобы убедиться, что теперь мистер Б. обитает в местечке Р.) Неутомимый исследователь провел целое утро в расспросах местных жителей, но на лето в деревне поселилось немало новых джентльменов, а потому ни мясник, ни пекарь не смогли сообщить, где именно квартирует мистер Б. Почтмейстер не получал его писем, поскольку все они приходили в городскую контору. В конце концов, так ничего и не выяснив, сельский приятель вернулся на железнодорожную станцию, где в ожидании поезда на всякий случай решил спросить кассира.

– Нет, сэр. К сожалению, не могу сказать, где именно живет мистер Б., – ответил тот, – ведь так много джентльменов регулярно ездят на поездах. Однако не сомневаюсь: вон тот человек, что стоит возле колонны, сможет вам помочь.

Указанный кассиром персонаж обладал внешностью торговца – достаточно почтенного, хотя и без претензий на знатность – и не имел другого занятия, кроме как лениво наблюдать за входившими на станцию пассажирами, но на заданный вопрос ответил живо, уверенно и вежливо:

– Мистер Б.? Высокий худой джентльмен со светлыми волосами? Да, сэр, я знаю мистера Б. Уже недели три, если не больше, он квартирует по адресу: Мортон-Виллас, номер восемь. Но сейчас вы не застанете его дома, сэр. Он уехал в город на одиннадцатичасовом поезде, а вернется, скорее всего, как обычно, не раньше чем в половине пятого вечера.

Сельский приятель решил не тратить время и не возвращаться в деревню, чтобы подтвердить справедливость полученных сведений. Поблагодарив собеседника, он сказал, что навестит мистера Б. в конторе, но, прежде чем уехать, спросил кассира, что за человек помог ему установить место жительства друга.

– Агент уголовной полиции, сэр, – ответил тот.

Вряд ли стоит упоминать, что сам мистер Б., хотя и не без удивления, в точности подтвердил сообщение полицейского.

Услышав историю о родственнике и его приятеле, я первым делом подумала, что в наши дни уже невозможны романы с сюжетом в духе «Калеба Уильямса»¹, где основной интерес поверхностного читателя заключается в постоянных переходах от надежды к страху и обратно: сможет ли герой скрыться от преследователя? Я читала роман давно и успела забыть имя оскорбленного Калемом джентльмена, но точно знаю, что его погоня за обидчиком, обнаружение различных мест, где тот прятался, следование едва уловимым указаниям зависели исключительно от его собственной энергии, проницательности и настойчивости. Интерес заключался в борьбе одного человека против другого и неопределенности относительно конечного успеха одного из них: безжалостного преследователя или простодушного Калеба, пытавшегося любым способом скрыться. Сейчас, в 1851 году, обиженный хозяин просто обратился бы за помощью в уголовную полицию. Сомневаться в успехе не пришлось бы. Единственный вопрос заключается в том, сколько времени ушло бы на поиски, но ответ не потребовал бы долгого ожидания. Теперь речь идет не о противостоянии отдельных людей, а о борьбе отлаженного механизма со слабым, одиноким человеком. Нам не остается ни надежды, ни опасения, одна лишь уверенность. Но если автор лишен темы побега, преследования и неизвестности, когда погоня происходит в Англии, мы, во всяком случае, освобождены от страха таинственных исчезновений. В то же время каждый, кому довелось тесно общаться с теми, кто застал конец прошлого века, подтвердит, что подобные переживания имели серьезные основания.

В детстве родственница иногда брала меня в гости к очень умной пожилой леди ста двадцати лет (во всяком случае, так мне тогда казалось, хотя сейчас думаю, что ей было не больше семидесяти). Живая наблюдательная особа видела и помнила много достойных внимания происшествий, состояла в родстве с семейством Снейд, в котором мистер Эджуорт нашел двух из своих жен; знавала майора Джона Андре, вращалась в Обществе старых вигов вместе с прекрасной герцогиней Девонширской и «коричнево-синей» леди Кру. Отец ее был одним из первых покровителей очаровательной мисс Линли². Обо всем этом я упоминаю для того, чтобы показать, насколько просвещенной и умной наша собеседница была – как в силу природных способностей, так и благодаря общению, – чтобы проявлять излишнюю доверчивость к чудесам. И все же именно от нее мне довелось услышать самые удивительные и незабываемые истории о необъяснимых исчезновениях. Вот один из ее рассказов.

Поместье ее отца располагалось в графстве Шропшир. Ворота парка открывались непосредственно в принадлежавшую ему разбросанную по холмам деревню. Дома образовывали неровную, извилистую улицу, где сад соседствовал со стеной фермы, а далее следовал ряд хижин. В самом конце деревни вместе с женой жил весьма уважаемый человек. Вся деревня почитала супругов за то терпеливое внимание, которое они проявляли к отцу мужа – обездвиженному параличом старику. Зимой его кресло придвигали поближе к камину, а летом вывозили на улицу, чтобы больной мог нежиться на солнышке и развлекаться наблюдением за проходившими мимо земляками. Без посторонней помощи бедняга не мог даже подняться с постели и пересест в кресло. И вот одним жарким июньским днем все деревня отправилась на луг заготавливать сено. Дома остались только самые старые да самые малые.

Как обычно, сын и сноха вывезли отца на солнышко, а сами пошли на сенокос, но, вернувшись на закате, увидели, что парализованный старик бесследно исчез! С тех пор никто о

¹ У. Годвин «Вещи как они есть, или Приключения Калеба Уильямса» (1794); считается первым детективным романом.

² Виги – доминирующая в XVIII в. политическая партия, состоявшая главным образом из аристократов-землевладельцев и богатых членов среднего класса, которые противостояли Георгу III, добивались ограниченной конституционной монархии и поддерживали политиков, согласных с их взглядами; Джорджиана Спенсер, герцогиня Девонширская (1757–1806) славилась эксцентричностью и пользовалась популярностью в светском кругу, поддерживала партию вигов, являлась важным членом Девонширского домашнего общества, куда вовлекла леди Фрэнсис Энн Кру (1748–1818) и знаменитую певицу Элизабет Линли (1754–1792).

нем больше ничего не слышал. Поведавшая об этом случае пожилая леди с присущим всем ее простым рассказам спокойствием добавила, что отец провел все доступные расследования, однако так ничего и не узнал. В деревне не был замечен ни один чужак; в доме не произошло даже мелкой кражи, которой старик мог бы помешать; сын и сноха (также известная добротой к беспомощному свекру) весь день оставались в поле вместе с остальными крестьянами. Иными словами, исчезновение так и не получило объяснения и произвело на всех тяжелое, болезненное впечатление.

Уверена, что уголовная полиция уже через неделю раскрыла бы все подробности дела.

Удручающая своей таинственностью, эта история все-таки не имела трагических последствий, а вот следующее происшествие (переданное дословно – точно так, как о нем сообщил веривший в истинность событий рассказчик) повлекло за собой печальный исход.

Дело было в провинциальном городке, окруженном поместьями нескольких богатых землевладельцев. Примерно сто лет назад вместе с матерью и сестрой здесь жил агент, служивший у одного из помещиков, чтобы в установленные, всем известные дни собирать плату с арендаторов. С этой целью он всякий раз отправлялся в один и тот же трактир примерно в пяти милях от городка, куда приходили арендаторы и отдавали деньги, после чего агент угощал всех обедом. И вот однажды он не вернулся из поездки. Помещик, на которого он работал, нанял для поисков агента и собранной суммы современных Догберри и Верджесов³, в то время как потерявшая надежду и опору безутешная матушка разыскивала сына с неистребимой настойчивостью любви и преданности. Однако служащий так и не вернулся, а вскоре распространился слух, что он присвоил деньги и уехал за границу. Матушка слышала сплетни, но не могла их опровергнуть. В конце концов сердце ее не выдержало, и она умерла с горя, а спустя много лет – думаю, около пятидесяти – один состоятельный скотовод и мясник, умирая, признался, что обманом заманил агента в вересковую пустошь неподалеку от городка, на расстоянии крика от собственного дома, с намерением ограбить, однако встретил неожиданно упорное сопротивление, в ходе борьбы убил противника и ночью закопал тело в мягком песке пустоши. В результате поисков в том самом месте были найдены останки несчастного, но слишком поздно, чтобы бедная матушка смогла узнать, что репутация сына восстановлена. К этому времени сестра уже тоже умерла (она так и не вышла замуж: никто не захотел взять в жены девушку из опозоренной семьи). Так что уже никому не было дела до невинности убиенного.

Ах если бы только в то время существовала наша уголовная полиция!

Этот рассказ вряд ли можно считать историей необъяснимого исчезновения: необъяснимым оно осталось лишь для одного поколения, однако в традициях прошлого века вполне обычны подобные истории, так и не получившие достойного истолкования. Мне довелось слышать (и, кажется, даже читать в одном из ранних номеров журнала Чемберса⁴) о свадьбе, состоявшейся в графстве Линкольншир примерно в 1750 году. В то время не было принято, чтобы счастливые молодожены немедленно отправлялись в путешествие. Вместо этого они вместе с друзьями весело отмечали счастливое событие в доме кого-то из новобрачных. Вся компания после венчания приезжала туда, где ожидалось застолье, и свободно проводила время в саду или в комнатах. Внезапно к новобрачному обратился слуга и сообщил, что с ним хочет побеседовать незнакомец. Молодой человек ушел на минуту и пропал навсегда. Похожая история омрачает расположенный в лесу, неподалеку от Фестиниога, покинутый старинный замок Уэлш-холл: там тоже для разговора с незнакомцем вызвали молодого супруга, после чего тот безвозвратно исчез, словно сквозь землю провалился. Однако рассказчики неизменно добавляют, что супруга прожила в одиночестве до сорока лет, и все это время каждый день, когда

³ Глупые и грубые констебли, персонажи комедии У. Шекспира (1564–1616) «Много шума из ничего» (1598).

⁴ Популярное в XIX в. литературно-научное издание, основанное в 1832 г. Р. Чемберсом и изначально носившее название «Эдинбургский журнал Чемберса».

сияло солнце, или ночью, при свете луны, смотрела в одно-единственное окно, из которого открывался вид на дорогу к дому. Постоянное томительное ожидание поглощало все ее силы, все умственные способности. Задолго до смерти она впала в детство и сохранила лишь одно желание – сидеть возле высокого окна и смотреть на дорогу, по которой мог вернуться любимый. Тихая и печальная, она оставалась столь же верной, как Эванджелина⁵.

То обстоятельство, что две похожие истории исчезновения «имели место», как сказали бы французы, в день свадьбы, доказывает, что все способное усилить наши возможности общения и организовать имеющиеся технические средства повышает безопасность жизни. Если бы только современный жених попробовал сбежать от строптивой Катарины⁶, то был бы немедленно найден с помощью электрического телеграфа⁷ и, как малодушный трус, возвращен на законное место сотрудниками уголовной полиции.

Расскажу еще две истории исчезновения и на этом закончу. Сначала изложу ту, которая произошла позже, потому что она особенно грустна, а ту, что повеселее, по обычаю оставляю напоследок. В 1820–1830 годах в городе Норт-Шилдсе вместе с сыном жила некая почтенная особа. Молодой человек упорно постигал медицину в надежде поступить корабельным врачом на балтийское судно и таким способом заработать средства на обучение в Эдинбургском университете. В похвальном стремлении его поддерживал ныне покойный доктор Дж. Полагаю, в данном случае оплата не взималась, поскольку ученик исправно выполнял множество поручений, которые другой на его месте счел бы ниже своего достоинства. Вместе с матушкой он жил в одном из переулков, спускавшихся от главной улицы Норт-Шилдса к реке Тайн. И вот однажды доктор Дж. провел всю зимнюю ночь у постели больной, а ушел уже ранним утром. Но, прежде чем вернуться домой и лечь спать, заглянул к ученику, разбудил и распорядился, чтобы тот пришел к нему, приготовил лекарство и отнес пациентке. Бедный юноша послушно исполнил задание и, едва забрезжил рассвет (часов в пять-шесть утра: напомним, что стояла зима), отправился по указанному адресу. Больше его никто не видел. Доктор Дж. ждал, думая, что ассистент вернулся домой; матушка ждала, полагая, что сын приступил к работе. А тем временем, как потом вспоминали очевидцы, из порта вышло небольшое судно и взяло курс на Эдинбург. Матушка до конца своих дней надеялась на возвращение сына, но спустя несколько лет раскрылись ужасные преступления Берка и Хейра⁸, пролившие мрачный свет на судьбу юноши. Однако мне ни разу не довелось услышать подтверждение догадки. Необходимо добавить, что все, кто знал пропавшего, подчеркивали его целеустремленность и безупречное поведение, считая невозможным как бегство, так и любое изменение жизненных планов.

Последняя история – об исчезновении, получившем объяснение лишь много лет спустя. В Манчестере есть крупная улица, что ведет из центра к одному из пригородов. В самом начале она носит название Гарриет-стрит, а затем приобретает аристократический налет, углубляется в сельскую местность и принимает имя Брук-стрит. Первое название восходит к черно-белому особняку, построенному, судя по стилю, во времена Ричарда III⁹ или около того. Сейчас развалины скрыты за новейшими домами, однако еще несколько лет назад с дороги можно было увидеть стоявшее на пустынном участке полуразрушенное низкое старинное здание. Насколько мне известно, бедные семейства снимали там квартиры, особняк тогда носил название «Джерард-холл» и был окружен большим парком с чистым ручьем (отсюда произошло название соседней улицы), живописными, богатыми рыбой прудами, садами, голубятнями и прочими принадлежностями старинного поместья. Не сомневаюсь, что дом принадлежал благородному

⁵ Героиня поэмы американского поэта Г. Лонгфелло (1807–1882) о невесте, всю жизнь ждавшей возвращения жениха.

⁶ Героиня комедии У. Шекспира «Укрощение строптивой» (1590–1592).

⁷ Электрический телеграф был запатентован У. Куком и Ч. Уитстоуном в 1837 г.

⁸ Убили не менее пятнадцати человек и продали тела в анатомический театр.

⁹ 1483–1485 гг.

роду Мосли – возможно, одной из ветвей того самого фамильного древа, к которому относился и владелец манчестерского замка. Любое топографическое исследование этого района непременно определит имя хозяина усадьбы в прошлом веке, которому и посвящено мое повествование.

Много лет назад в Манчестере жили две сестры – почтенные незамужние леди преклонных лет. Они никогда не покидали родного города и очень любили рассказывать о произошедших в нем изменениях, значительная часть из которых относились к далекому прошлому, вплоть до семидесяти-восемидесяти лет назад. Многие истории они слышали от своего отца, который, вслед за собственным отцом, пользовался уважением как добросовестный служащий. Оба трудились в городе на протяжении большей части прошлого века, а также представляли интересы нескольких сельских помещиков, утративших владения в результате развития Манчестера и получивших компенсацию за счет удорожания земли, которую они считали возможным продать. Таким образом, отец и сын пользовались отменной репутацией в качестве посредников и знали некоторые тайные страницы истории богатых фамилий, одна из которых относилась к Гарриет-холлу.

В первой половине прошлого века молодой владелец поместья женился и вместе с женой и детишками долгие годы провел в тихом семейном счастье. И вот дела призвали супруга в Лондон, а в те времена дорога туда занимала целую неделю. Он прислал домой письмо и сообщил, что доехал благополучно, после чего бесследно исчез. Судя по всему, беднягу поглотила бездонная пропасть столицы, ибо ни один из друзей (а леди обладала множеством влиятельных знакомств) так и не смог выяснить, что с ним произошло. Возобладала версия, что на провинциала напали уличные разбойники, которых в те дни насчитывалось множество, а он оказал сопротивление и был убит. Спустя некоторое время жена потеряла надежду снова увидеть мужа и полностью посвятила себя заботе о детях. Семья тихо жила до тех пор, пока старший сын не достиг совершеннолетия и для вступления в наследство не потребовались определенные документы. По словам мистера С. (семейного поверенного в делах), эти документы он отдал пропавшему джентльмену накануне роковой поездки в Лондон: судя по всему, именно с ними и было связано путешествие. Существовала вероятность, что бумаги сохранились и кто-нибудь в Лондоне держал их у себя, сознавая или не сознавая важность обладания. Мистер С. посоветовал молодому клиенту поместить в лондонских газетах объявление, составленное так тонко и завуалированно, чтобы его смысл понял только тот человек, у которого хранились документы, и больше никто. Наследник так и сделал, однако, несмотря на неоднократное повторение, ответа на объявление не последовало. И вот наконец пришло таинственное послание, в котором сообщалось, что документы существуют и могут быть возвращены, но только самому наследнику и на определенных условиях. Юноша поехал в Лондон и, следуя указаниям, отправился в старинный дом в районе Барбикан. Человек, который его встретил, предложил следовать за ним, но с завязанными глазами. Так он прошел несколько длинных коридоров, а потом был помещен в портшез, и путь продолжался еще больше часа. Впоследствии он вспоминал о множестве поворотов: судя по всему, конечный пункт был неподалеку от начала маршрута.

Наконец глаза развязали, и молодой человек увидел, что находится в элегантной гостиной, явно семейной. Вскоре вошел джентльмен средних лет и потребовал клятвы, что в течение некоторого времени (продолжительность которого будет указана особо) наследник сохранит в тайне способ получения документов. Клятва была дана, после чего джентльмен взволнованно признался, что он и есть пропавший отец юноши. Выяснилось, что во время последней поездки в столицу он влюбился в молодую особу – приятельницу человека, вместе с которым снимал квартиру, – и, представившись холостяком, принялся бурно ухаживать. Молодая особа благосклонно приняла внимание, а ее отец – торговец из Сити – охотно дал согласие на брак, поскольку помещик из Ланкашира обладал благородной внешностью и рядом иных

положительных качеств, которые торговец счел полезными для привлечения покупателей. Сделка была заключена: потомок старинного аристократического рода женился на единственной дочери торговца из Сити и стал младшим партнером в бизнесе. Джентльмен признался сыну, что ни разу не пожалел о предпринятом шаге. Несмотря на низкое происхождение, молодая жена оказалась милой, покладистой и любящей; в браке родилось много детей, и семейство процветало. Затем с дружеским интересом джентльмен спросил о первой (я бы сказала, настоящей) супруге. Одобрив все, что она сделала в отношении поместья и образования детей, однако в заключение сказал, что, должно быть, он для нее умер – так же как и она для него. На прощание отец пообещал, что, когда скончается на самом деле, сын непременно получит сообщение, смысл которого не оставит сомнений. А до тех пор они больше ничего друг о друге не услышат, и любые попытки его найти – даже если бы клятва этого не запрещала – окажутся напрасными.

Осмелюсь предположить, что сын вряд ли обладал желанием продолжать знакомство с отцом, оставшимся таковым лишь формально. Он вернулся в Ланкашир, вступил в наследство в Манчестере и только спустя много лет получил таинственное сообщение о настоящей смерти родителя и после этого поведал подробности получения документов поверенному мистеру С. и нескольким близким друзьям. Когда же род оборвался или последующие поколения уехали из Гарриета, сохранение тайны утратило важность, и мисс С. – пожилая дочь поверенного – поведала мне историю исчезновения главы семейства.

Позвольте еще раз признаться, что я счастлива жить во времена существования уголовной полиции: если вдруг меня убьют или я дважды вступлю в брак, друзья непременно об этом узнают.

Рассказ старой нянюшки

Вам известно, мои дорогие, что ваша матушка выросла единственным ребенком в семье и рано осталась сиротой. Должно быть, слышали вы и о том, что дед ваш был священником в Уэстморленде, откуда я родом. Когда я училась в сельской школе, однажды туда пришла ваша бабушка и спросила учительницу, нет ли у нее такой ученицы, которая смогла бы работать няней в ее семье. Как же я была горда, когда учительница назвала мое имя и сказала, что я хорошо владею рукоделием, обладаю спокойным, серьезным нравом и воспитываюсь в почтенной, хотя и небогатой семье. Я же подумала, что не желаю ничего другого, кроме как служить приятной молодой леди, густо покрасневшей при словах об ожидавшемся ребенке и о том, что мне предстоит с ним делать. Но, кажется, вас интересует не столько эта часть истории, сколько продолжение, поэтому сразу перейду к последующим событиям.

Я поступила на работу и поселилась в доме священника еще до рождения мисс Розамунд (которая и стала тем самым ожидаемым младенцем, а затем вашей матушкой). Должна признаться, что делать мне было почти нечего, поскольку жена священника не выпускала дочку из объятий. Я же спала ночи напролет и гордилась, когда время от времени госпожа доверяла малышку моим заботам. Ни прежде, ни потом на свете не было другого столь же замечательного ребенка, хотя каждый из вас по-своему хорош. И все же никто не может сравниться с Розамунд спокойствием нрава и приятностью манер. Она унаследовала чудесный характер своей матушки – прирожденной леди. Мисс Фернивал была внучкой лорда Фернивала из Нортумберленда. Не имея ни братьев, ни сестер, воспитывалась в доме милорда до тех пор, пока не вышла замуж за вашего дедушку – сына торговца из Карлайла и простого викария, но умного благородного джентльмена, добросовестно трудившегося в обширном, разбросанном по холмам Уэстморленда приходе. Когда вашей матушке, маленькой мисс Розамунд, исполнилось четыре года (или пять, точно не помню), родители ее умерли один за другим в течение двух недель. Ах какое печальное это было время! Моя добрая молодая госпожа ожидала второго ребенка, когда однажды супруг вернулся из дальней поездки усталым, промокшим и замерзшим и вскоре сгорел в жестокой лихорадке. Жена не пережила утраты: лишь дождалась рождения мертвого младенца, а как только его положили ей на грудь, испустила дух. Перед смертью она умоляла меня не оставлять мисс Розамунд, но даже если бы не произнесла ни слова, я пошла бы с этим ребенком на край света.

Прежде чем стихли наши рыдания, опекуны и душеприказчики явились, чтобы уладить дела. Ими оказались лорд Фернивал, кузен моей маленькой госпожи, и мистер Эстуэйт, брат покойного господина, торговец из Манчестера, в то время еще не столь процветающий, как впоследствии, и обремененный большой семьей. Да! Не знаю, сами ли они так рассудили или перед смертью госпожа успела обратиться с просьбой к родственнику-лорду, но было решено, что мисс Розамунд, а вместе с ней и я должны переехать в Нортумберленд, в поместье Фернивал. Лорд сказал, что матушка желала, чтобы дочка воссоединилась с родственниками, а сам он не возражает, поскольку в таком большом семействе еще два человека в тягость не будут. Вот так, хотя я мечтала о совсем другой судьбе для моей милой воспитанницы, способной стать лучом солнца в любой семье, даже не столь благородной. Все же мне было приятно, что жители долины с восхищением восприняли известие, что отныне я стану горничной маленькой леди не где-нибудь, а в поместье лорда Фернивала.

Однако я ошиблась, решив, что нам предстоит жить вместе с милордом. Оказалось, что с тех пор, как семья покинула родовое гнездо, минуло уже больше полувека. И хотя моя бедная молодая госпожа воспитывалась в семье, я не слышала, чтобы она хотя бы раз там побывала. Очень жаль, потому что мне хотелось, чтобы детство мисс Розамунд прошло в том же доме, где выросла ее матушка.

Слуга милорда, которому я задала множество вопросов, поведал, что поместье находится в Камберленде, у подножия холмов, и представляет собой окруженный старинным садом величественный особняк. Там под присмотром нескольких слуг живет старая мисс Фернивал – двоюродная бабушка милорда. Однако условия в замке очень здоровые, и потому милорд решил, что мисс Розамунд будет полезно провести там несколько лет и скрасить одиночество тетушки.

Милорд приказал мне собрать вещи мисс Розамунд к назначенному дню. Держался он гордо и сурово, как, по слухам, все лорды Фернивалы, и никогда не произносил ни одного лишнего слова. Люди поговаривали, что он был влюблен в мою молодую госпожу, но, зная, что его отец не согласится на брак, она не приняла ухаживаний и вышла замуж за мистера Эстү-эйти. Но это лишь слухи. Во всяком случае, милорд так и не женился, но и на мисс Розамунд не обращал особого внимания, что странно в том случае, если чтит память ее покойной матушки. Как бы то ни было, он поручил слуге отвезти нас в поместье и в тот же вечер встретиться с ним в Ньюкасле, чтобы таким образом не оставить ему времени познакомиться нас с чужими людьми. И вот мы, два одиноких юных существа (мне самой тогда еще не исполнилось восемнадцати), попали в неведомый огромный особняк. Кажется, что случилось это только вчера. Рано утром мы покинули милый родной дом, и всю дорогу плакали так, что сердца едва не разбились, хотя и ехали в роскошном экипаже милорда. После полудня остановились в задымленном шахтерском городке, чтобы в последний раз сменить лошадей. Мисс Розамунд уснула, однако мистер Генри приказал мне ее разбудить, чтобы девочка с дороги увидела парк и дом. Мне было жалко малышку, но из страха, что он пожалуется господину, я все-таки послушалась. И вот, наконец оставив за спиной все признаки города или даже деревни, мы въехали в большой дикий парк, совершенно не похожий на привычные парки здесь, на юге: всюду камни, ручьи, колючий кустарник и огромные деревья с белыми от старости, лишенными коры стволами.

На протяжении примерно двух миль дорога поднималась в гору, а потом взору открылся величественный особняк. Окружавшие его деревья росли так близко к строению, что при каждом дуновении ветра ветки скребли по стенам, а некоторые даже ломались и свисали, засохшие. Казалось, никто не заботился ни о доме, ни о саде: не прореживал и не подстригал заросли, не чистил поросшую мхом дорогу. И только перед домом царил образцовый порядок: на просторной овальной площадке не было заметно ни травинки, ни кустика, а длинный высокий фасад с боковыми крыльями и множеством окон не скрывали ни деревья, ни дикий виноград. Особняк оказался еще больше, чем я его представляла. Далее возвышались открытые всем ветрам голые холмы, и, как я впоследствии выяснила, слева от главного дома, если стоять к нему лицом, располагался небольшой старомодный цветник, куда можно было попасть через дверь в стене западного фасада. Место было когда-то отвоевано у густого леса для одной из прежних леди Фернивал, однако постепенно ветви деревьев снова закрыли солнце, так что немногие цветы осмеливались расти в густой тени.

Когда мы остановились возле величественного парадного входа и по широкой лестнице поднялись в холл, я испугалась, что тотчас потеряюсь в огромном высоком богатом пространстве. В середине зала с потолка свисала массивная бронзовая люстра. Прежде я не видела ничего подобного и сейчас взирала на нее, открыв рот от изумления. Одну стену занимал громадный, величиной с хижину в моей родной деревне, камин, украшенный крепкими чугунными решетками для дров. Здесь же стояли широкие громоздкие старомодные диваны. В противоположную стену холла – западную, левую от входа – был встроен орган, такой большой, что занимал почти весь торец. Рядом с ним имелаась дверь в западное крыло, а напротив, по обе стороны от камина, двери в восточное крыло, но я ни разу их не открывала, так что не могу сказать, что там за ними было.

Близился вечер, и неосвещенный холл выглядел темным и мрачным, но мы не задержались в нем ни на миг. Открывший нам дверь старый слуга поклонился мистеру Генри и через дверь возле дальнего конца органа, по нескольким более скромным залам и коридорам повел

нас в западную гостиную, где, по его словам, сидела сама мисс Фернивал. Бедняжка мисс Розамунд крепко прижалась ко мне, словно испугавшись неведомого таинственного места, да я и сама едва не умирала от страха. Западная гостиная оказалась очень уютной, с ярко пылавшим камином и красивой удобной мебелью. Мисс Фернивал оказалась очень пожилой, думаю, лет восьмидесяти, однако точно не знаю, высокой, худой, с лицом, сплошь покрытым тонкими, как будто прочерченными иглой морщинами. Взгляд леди был необыкновенно внимательным, даже пронзительным. Должно быть, острое зрение компенсировало глухоту – настолько серьезную, что ей приходилось пользоваться слуховой трубкой. Рядом, за тем же рукоделием, сидела горничная и компаньонка миссис Старк – особа почти одного возраста с госпожой. Она служила мисс Фернивал с тех далеких пор, когда обе были еще совсем молодыми, и со временем из горничной превратилась в подругу. Миссис Старк походила на статую: такая же холодная и бесцветная, с каменным выражением лица. Полагаю, за всю жизнь она никого не любила, кроме госпожи, с которой из-за глухоты обращалась как с малым ребенком. Мистер Генри передал распоряжение милорда, откланялся, не обратив внимания на протянутую ладошку моей милой маленькой мисс Розамунд, и удалился, оставив нас стоять перед пристально разглядывавшими нас сквозь очки старыми дамами.

Тем больше я обрадовалась, когда хозяйка звонком вызвала все того же старого лакея и приказала проводить нас в отведенные комнаты. Следом за ним мы прошли в другую гостиную – меньше и скромнее парадной, поднялись по широкой лестнице и оказались в просторной галерее, судя по всему, служившей библиотекой: одну ее стену сплошь занимали книги, а вдоль противоположной стены, возле окон, стояли письменные столы. Наконец дошли мы и до своих комнат, и я с радостью услышала, что они расположены непосредственно над кухней: точное местоположение поможет не затеряться в лабиринтах огромного дома. Одна из комнат представляла собой старинную детскую, где когда-то росли все маленькие лорды и леди. Здесь уютно пылал небольшой камин, грелся чайник, а на столе уже стояли чайные принадлежности. Рядом располагалась спальня с симпатичной колыбелькой для мисс Розамунд и приличной кроватью для меня.

Старый Джеймс позвал жену Дороти, и оба отнеслись к нам так тепло и заботливо, что вскоре мы перестали переживать и почувствовали себя почти как дома. За чаем мисс Розамунд уже сидела на коленях у доброй Дороти и лопотала так живо, как только позволял маленький язычок. Вскоре выяснилось, что Дороти родом из Уэстморленда, и землячество лишь укрепило нашу взаимную симпатию. Супруги оказались очень простыми и добродушными. Джеймс почти всю жизнь служил семье милорда и считал Фернивалов самым знатным родом. Даже на собственную жену он смотрел снисходительно, потому что до замужества та ничего, кроме хозяйства отца-фермера, не знала. Впрочем, легкое высокомерие не мешало ему относиться к Дороти со всей возможной нежностью.

Кроме них в особняке жила лишь одна служанка по имени Агнес, выполнявшая всю работу по дому. Мисс Фернивал, миссис Старк, трое слуг и мы с малышкой мисс Розамунд составляли все население огромного особняка. Не перестаю вспоминать мою дорогую малышку и часто думаю, как все они жили и что делали до ее появления: теперь мир сосредоточился на ней. Девочка заполнила собой все пространство от кухни до гостиной. Суровая печальная мисс Фернивал и холодная миссис Старк радовались, когда она весело бегала по просторным комнатам и щебетала словно птичка. Не сомневаюсь, что обе скучали, когда птичка улетала в кухню, однако гордость не позволяла им попросить ее остаться. Вкус девочки немного удивлял чопорных дам, однако, как однажды язвительно заметила миссис Старк, учитывая происхождение ее отца, этого следовало ожидать.

Огромный пустынный дом служил для мисс Розамунд неизведанным миром. Девочка любила совершать дальние экспедиции, в которых я неизменно ее сопровождала. Мы исследовали весь особняк, кроме восточного крыла, дверь в которое всегда оставалась запертой, так

что нам не приходило в голову туда заглянуть. А вот в западной и северной частях дома обнаружилось множество приятных комнат, наполненных удивительными для нас вещами. Впрочем, тем, кто видел больше нашего, они могли бы показаться обычными. Окна здесь пропускали мало света из-за разросшихся деревьев и захватившего все внешнее пространство стен плюща, однако зеленый полумрак не мешал нам рассмотреть древние китайские вазы, резные шкатулки из слоновой кости, огромные тяжеловесные книги и, самое главное, старинные картины!

Помню, как однажды милая крошка уговорила Дороти пойти с нами и рассказать, кто изображен на картинах, ибо все это были портреты членов семьи милорда. Правда, добрая женщина не смогла назвать имя каждого из благородных героев и героинь. Миновав анфиладу, мы попали в старинную парадную гостиную над холлом и увидели портрет мисс Фернивал, точнее, мисс Грейс, как ее звали в то время, ведь она росла младшей из сестер¹⁰. До чего же она была красива! С гордо поднятой головой, презрительным взглядом и в недоумении вскинутыми бровями, она как будто удивлялась, как вообще у кого-то хватило дерзости ее рассматривать. На губах ее застыла холодная улыбка. Такого наряда я прежде никогда не видела, но в годы ее молодости этот фасон соответствовал моде: украшенная пышным плюмажем из перьев шляпа из какого-то мягкого белого материала спускалась почти до бровей, а платье из голубого атласа спереди открывалось, демонстрируя белый стеганый корсаж.

– Подумать только! – воскликнула я, вдоволь насмотревшись. – Конечно, говорят, что плоть – это трава¹¹. Но кто бы, глядя на мисс Фернивал, смог предположить, что когда-то она была такой красавицей?

– Да, – ответила Дороти. – С возрастом люди меняются к худшему. Но если отец нашего господина говорил правду, то мисс Фернивал – старшая сестра – была еще красивее, чем мисс Грейс. Где-то здесь есть ее портрет. Но если я вам его покажу, то никому, даже Джеймсу, не говорите, что видели. Думаете, маленькая леди сможет удержать язык за зубами?

В этом я вовсе не была уверена, потому что мисс Розамунд отличалась открытым, общительным нравом, а потому затеяла с ней игру в прятки и, пока веселая крошка пряталась, помогла Дороти перевернуть стоявшую лицом к стене, а не висевшую, как все другие, большую тяжелую картину. Поверьте на слово, изображенная на ней молодая леди действительно превосходила красотой мисс Грейс. Думаю, что и гордым презрением тоже, хотя об этом можно поспорить. Я могла бы рассматривать портрет и час, и два, однако, словно испугавшись содеянного, добрая женщина тут же повернула его обратно к стене и велела мне бежать за мисс Розамунд, потому что в доме существовали такие уголки, где ребенку бывать не стоило. Я была храброй жизнерадостной девушкой и любила прятки, как любят все деревенские дети, а потому не приняла предупреждения всерьез, но все-таки поспешила на поиски своей любимицы.

По мере приближения зимы, когда дни становились все короче, я иногда явственно слышала звуки музыки. Казалось, в холле кто-то играл на огромном органе. Музыка доносилась не каждый вечер, но очень часто и всегда в одно и то же время: по вечерам, когда, уложив мисс Розамунд в колыбельку, я в полной тишине сидела рядом. Сначала достаточно громкие, звуки постепенно стихали, словно удаляясь. В первый же вечер, спустившись к ужину, я спросила Дороти, кто играл, однако Джеймс резко меня оборвал, заявив, что глупо принимать за музыку шум ветра в ветвях деревьев. Дороти бросила на мужа испуганный взгляд, а кухарка Агнес что-то невнятно пробормотала и страшно побледнела. Поняв, что вопрос пришелся некстати, я замолчала и решила дождаться, когда останусь наедине с Дороти: от нее скорее можно будет получить ответ.

¹⁰ Младших сестер называли по именам, перед которыми стояло обращение «мисс», в то время как самая старшая сестра носила титул «мисс», за которым следовала фамилия.

¹¹ Первое послание Петра (1:24) гласит: «Ибо вся плоть – как трава, и всякая слава человеческая – как цвет на траве; засохла трава, и цвет ее опал». (Цитаты из Библии приведены в синодальном пер. – См. и далее.)

На следующий день, выбрав подходящий момент, я повторила вопрос об органе, поскольку точно знала, что слышала именно музыку, а не шум ветра, хотя и не стала возражать Джеймсу. Только добрая женщина хорошо запомнила реакцию мужа на мои слова и ничего мне не сказала, поэтому я попыталась расспросить Агнес, хотя и относилась к служанке с легким пренебрежением, поскольку не считала ее равной себе по положению. Агнес предупредила, что я никогда не должна никому об этом говорить, а если вдруг скажу, то ни в коем случае не упоминать ее имени. Она тоже часто слышала звуки: обычно зимними вечерами и перед бурями. Люди утверждали, что это призрак старого лорда играет на органе, как это было при жизни хозяина поместья. Но почему старый лорд играл в основном перед бурями, она не могла или не хотела сказать. Что же! Я действительно, наверное, была храброй, поскольку не испугалась признаться, что приятно слышать в доме музыку, кто бы ее ни исполнял. Звуки то поднимались на завывание ветра, как будто торжествуя, а потом стихали до нежной мелодии. Но это всегда была музыка, а не шум дождя или ветра. Поначалу я думала, что играет сама мисс Фернивал, а Агнес просто об этом не знает, но однажды, оставшись в холле в одиночестве, открыла орган, внимательно его осмотрела, как когда-то сделала в церкви Кростуэйта, и увидела, что внутри инструмент безнадежно сломан, хотя снаружи кажется вполне целым. Несмотря на яркий солнечный день, мне стало не по себе, и я поспешила убежать в веселую детскую, а потом некоторое время холодела от страха, заслышав эти звуки, как Джеймс и Дороти. К этому времени мисс Розамунд уже стала всеобщей любимицей. Пожилые леди даже изъявили желание, чтобы она обедала вместе с ними, тем более что они обедали рано. Обычно Джеймс стоял за стулом мисс Фернивал, а я прислуживала своей питомице. После трапезы малышка тихонько, как мышка, играла в углу гостиной, мисс Фернивал дремала, а я обедала на кухне. Потом мисс Розамунд с радостью возвращалась со мной в детскую, потому что, по ее словам, мисс Фернивал была очень печальной, а миссис Старк – скучной. Мы же весело проводили время вдвоем, и постепенно я перестала думать о странной музыке, которая, хотя и доносилась неизвестно откуда, никому не причиняла вреда.

Та зима выдалась очень холодной. Морозы начались уже в середине октября и продержались много-много недель подряд, не ослабевая. Помню, как однажды за обедом мисс Фернивал подняла тяжелый печальный взгляд на миссис Старк и многозначительно сказала:

– Боюсь, нам предстоит ужасная зима.

Тогда компаньонка сделала вид, что не услышала замечания, и очень громко заговорила на другую тему, но мы с маленькой леди ничуть не боялись морозов! Радуюсь сухой погоде, забирались по крутому склону за домом и уходили в пустынные, открытые всем ветрам холмы, где на свежем холодном воздухе без усталости бегали наперегонки. Однажды даже рискнули спуститься по новой тропинке, которая вела мимо двух старых искореженных падубов на полдороге к восточному фасаду особняка.

Тем временем дни становились все короче, и старый лорд, если это действительно был он, все громче и печальнее играл на сломанном органе. В один из воскресных дней – кажется, в конце ноября – я попросила Дороти присмотреть за моей подопечной: та как раз вышла из гостиной, когда мисс Фернивал, дремавшая после обеда, проснулась. Было слишком холодно, чтобы вести девочку с собой в церковь, а мне очень хотелось посетить службу. Дороти с радостью согласилась: она настолько искренне любила милую крошку, что беспокоиться было не о чем. Мы с Агнес очень быстро собрались и пошли, хотя черное небо низко и тяжело нависало над белой землей, как будто ночь не хотела отступать, а неподвижный воздух обдавал острым холодом.

– Скоро пойдет снег, – предположила Агнес.

И правда: мы еще сидели в церкви, когда посыпались такие крупные густые хлопья, что окна почти перестали пропускать свет. К окончанию службы снегопад прекратился, но земля покрылась толстым мягким белым одеялом, по которому нам предстояло возвращаться домой.

Не успели мы войти в холл, как на небе появилась луна, и сразу стало намного светлее. Нужно пояснить, что мисс Фернивал и миссис Старк никогда не ходили в церковь, а вместе читали молитвы дома в своей неторопливой печальной манере. Без привычного рукоделия воскресные дни тянулись для них особенно долго и томительно, поэтому, заглянув в кухню к Дороти, чтобы забрать мисс Розамунд и отвести наверх, я не удивилась, когда она сказала, что леди оставили малышку у себя. Я сняла верхнюю одежду и пошла за девочкой, чтобы отвести в детскую на ужин, но в парадной гостиной, где сидели пожилые леди, было так тихо, словно веселая жизнерадостная мисс Розамунд сюда и не заходила. Поначалу я решила, что озорница спряталась от меня, как обычно, – это было ее любимое развлечение, – и предложила дамам сделать вид, что они понятия не имеют где она. Потом, старательно изображая волнение, начала заглядывать под диваны и за кресла.

– В чем дело, Эстер? – недовольно спросила миссис Старк.

Заметила ли меня мисс Фернивал, я не поняла: дама сидела неподвижно, смотрела в огонь, и лицо ее при этом ничего не выражало.

– Ищу свою маленькую Рози-Пози, – ответила я, все еще думая, что девочка прячется где-то рядом, хотя видно ее не было.

– Мисс Розамунд здесь нет, – заявила миссис Старк. – Больше часа назад она ушла на кухню к Дороти.

С этими словами она отвернулась и тоже уставилась в огонь.

У меня оборвалось сердце. Ах, зачем, зачем я оставила свою малышку? Я поспешила к Дороти сообщить о пропаже маленькой мисс. Джеймса дома не было, но мы вдвоем – Дороти, Агнес и я – тотчас взяли свечи и первым делом поднялись в детскую, а затем обошли весь огромный особняк, неустанно призывая девочку показаться и не пугать нас до смерти, но в ответ не слышали ни звука.

– А не могла ли она зайти в восточное крыло и там спрятаться? – предположила я.

Дороти сказала, что это невозможно: туда никто не ходит, даже она сама никогда не была в восточном крыле, потому что двери всегда оставались закрытыми, а ключи хранились, кажется, у лакея милорда. Во всяком случае, они с Джеймсом никогда их не видели. Тогда я предложила вернуться в гостиную и посмотреть, не спряталась ли шалунья где-нибудь незаметно для пожилых леди, а если найду, то непременно отшлепаю, чтобы впредь неповадно было. Конечно, это были лишь слова: наказывать милое создание я вовсе не собиралась.

Я вернулась в западную гостиную, сообщила миссис Старк, что девочки нигде нет, и попросила позволения еще раз осмотреть все углы: вдруг притаилась где-нибудь и уснула? Но нет! Мы искали все вместе. Даже мисс Фернивал встала и на дрожащих ногах ходила вместе со всеми в поисках малышки. Увы, девочки нигде не было. Мы снова осмотрели весь дом, в очередной раз заглядывая в каждое укромное местечко, но все напрасно. Мисс Фернивал так разволновалась, что миссис Старк увела ее обратно в гостиную, но прежде взяла с меня слово сообщить, как только девочка найдется. Мне бы ее уверенность... Я уже потеряла надежду и начала думать, что никогда больше не увижу свою любимицу, и решила поискать в занесенном снегом большом дворе перед домом. Выглянув из окна второго этажа, в ярком свете луны я увидела маленькие следы, которые вели от главного входа за угол восточного крыла. Поспешно спустившись, я с усилием открыла тяжелую дверь, вместо плаща накинула на голову подол юбки и выбежала на улицу, свернула за угол восточного крыла и попала в густую тень, но вскоре снова вышла на освещенное луной место и увидела на снегу уходившие вверх по склону холма маленькие следы. Было жутко холодно и казалось, что ледяной воздух сдирает с лица кожу, но я продолжала бежать. Слезы, не переставая, лились по щекам и замерзали, но я этого не замечала: все мысли были о том, как мерзнет и страдает моя бедная маленькая мисс.

Неподалеку от старых падубов я увидела спускавшегося с холма пастуха, который нес на руках какой-то сверток. Он окликнул меня и спросил, не потеряла ли я ребенка. От рыданий

я не смогла вымолвить ни слова, а когда он приблизился, увидела завернутую в шерстяную накидку неподвижно лежавшую малышку – холодную и белую, словно мертвую. Пастух рассказал, что поднимался по холму, чтобы собрать овец и загнать стадо на ночь в хлев, когда под падубами – черными отметинами на пустом белом склоне – нашел ребенка неподвижного и холодного, забывшегося в предсмертном сне. Не могу передать, с какой радостью снова я держала мою девочку в объятиях! Конечно, я сразу забрала ее вместе с накидкой из рук пастуха, прижала к груди и почувствовала, как постепенно в маленькое тельце возвращается жизнь. Но когда мы через кухонную дверь вошли в холл, малышка все еще была без чувств, а я едва дышала от усталости.

– Принесите жаровню с углями, – попросила я пастуха и понесла воспитанницу наверх, в детскую. Добрая Агнес уже растопила камин, и я принялась раздевать свою любимицу, называя самыми ласковыми именами, которые только могла вспомнить, согревая горячими слезами... И вот наконец большие голубые глаза открылись! Тогда я уложила маленькую госпожу в теплую кровать и отправила Дороти вниз с поручением сообщить мисс Фернивал, что все в порядке, а сама решила всю долгую ночь не отходить от подопечной. Едва кудрявая головка коснулась подушки, девочка погрузилась в легкий благословенный сон, а я не сводила с нее глаз до самого утра.

Проснулась она здоровой и веселой, как всегда. Во всяком случае, так я подумала тогда... и, дорогие мои, так думаю и сейчас.

Потом маленькая леди нам поведала, что произошло. Обе дамы уснули, в гостиной стало скучно, и она решила пойти к Дороти. В западном коридоре сквозь высокое окно она увидела падавший снег – такой мягкий, пушистый – и захотела посмотреть, как он ложится на землю. Из окна в главном холле был хорошо виден нетронутый, сверкавший в лунном свете снег и... стоявшая посреди двора девочка, «маленькая, такая хорошенькая», как добавила моя любимица. И эта девочка поманила ее, а когда она вышла, взяла за руку и повела за угол восточного крыла.

– Ах ты, озорница! – воскликнула я. – Придумываешь небылицы! Что бы сказала твоя добрая матушка, которая теперь на небесах и никогда не произнесла ни слова неправды, если бы услышала, какую удивительную историю сочинила ее маленькая дочурка! Ну ты и сказочница!

– И вовсе нет! – горько заплакала малышка. – Так и было! Говорю же: это чистая правда!

– Не обманывай! – строго сказала я. – На снегу остались только твои следы. Если бы поднимались вы вдвоем, разве снег не сохранил бы следы той девочки?

– Ничего не могу сказать, дорогая Эстер. Я вообще ни разу не посмотрела вниз, на ее ноги, но, когда она крепко-крепко сжала мою руку, ее ладошка была очень холодной! А когда мы подошли к двум старым падубам, там сидела и горько плакала какая-то леди. Как только меня заметила, она сразу прекратила рыдать, гордо улыбнулась, посадила меня на колени и, напевая колыбельную, принялась укачивать. Вот и все, милая Эстер. Я ничего не придумала, и дорогая мама это знает, – со слезами добавила малышка.

Я решила, что у нее лихорадка и она бредит, и сделала вид, что поверила, тем более что потом она повторила историю несколько раз, не изменив ни слова. Наконец Дороти принесла завтрак для мисс Розамунд и сказала, что обе пожилые дамы сейчас в утренней гостиной и желают меня видеть. Вечером они заходили в детскую, но моя подопечная уже спала, поэтому просто посмотрели на нее, не задавая мне никаких вопросов.

– Сейчас получу выговор, – сказала я себе, проходя по северной галерее, но постепенно прибодрилась и подумала, что девочка оставалась на их попечении, и значит, они виноваты в том, что произошло.

Расправив плечи, я храбро вошла в гостиную и принялась рассказывать услышанную историю. Пришлось кричать в самое ухо мисс Фернивал, а когда дошла до того места, где на

снегу стояла девочка и звала мою маленькую госпожу, чтобы потом увести к старым падубам – туда, где плакала знатная красивая леди, – она воздела свои тонкие высохшие руки и громко воскликнула:

– Ах, смилуйтесь, Небеса! Смилуйтесь и простите!

Миссис Старк одернула ее, как мне показалось, довольно грубо, но мисс Фернивал ее не послушалась и обратилась ко мне с суровым, решительным предупреждением:

– Эстер! Держи малышку Розамунд подальше от этой девочки, а то доведет ее до смерти! Скажи ей, что это злое, нехорошее дитя!

Миссис Старк поспешила выпроводить меня из комнаты, чему я была несказанно рада, но мисс Фернивал все продолжала кричать:

– О, смилуйся! Неужели никогда не простишь? Ведь прошло уже так много лет!

После этого я больше никогда не оставляла свою подопечную без присмотра даже ненадолго, ни днем, ни ночью. Мне казалось, что мисс Фернивал лишилась рассудка: так странно она себя вела, и я боялась, как бы что-нибудь подобное не случилось с моей маленькой госпожой (что было бы неудивительно, если кто-то в семье страдает душевным недугом). Мороз держался очень долго, и всякий раз, когда вечер выдавался более бурным, чем обычно, среди порывов ветра все мы слышали, как старый лорд играет на огромном органе. Я же ни на мгновение не выпускала мисс Розамунд из поля зрения, ибо любовь к милой маленькой сироте была куда сильнее страха перед величественной и ужасной стихией. К тому же я считала своим долгом поддерживать в девочке соответствующий возрасту жизнерадостный, веселый нрав, поэтому мы вместе развлекались и повсюду разгуливали. Однажды днем, незадолго до Рождества, мы играли в бильярд в главном холле (правил, конечно, не знали, но Розамунд любила катать по столу гладкие шары из слоновой кости, а я с радостью принимала участие во всех ее забавах). Как-то незаметно стемнело, хотя до вечера было далеко, и я уже собралась вернуться в детскую, когда вдруг услышала крик:

– Смотри, Эстер, смотри! Вот она, та бедная девочка!

Я обернулась к высоким узким окнам и действительно увидела крошку, еще меньше моей мисс Розамунд, одетую совсем не так, как следовало бы холодным днем. Она плакала и билась в стекло, как будто умоляла впустить, так продолжалось до тех пор, пока моя госпожа не выдержала и побежала к двери, намереваясь открыть. Внезапно где-то совсем близко мощно зазвучал орган – так громко и грозно, что я задрожала от ужаса. Еще страшнее мне стало оттого, что даже в зимней тишине до слуха не донесся стук маленьких ручек в оконное стекло, хотя прозрачное дитя било изо всех сил. И хотя я собственными глазами видела, как отчаянно рыдает малышка, голоса ее так и не услышала. Не знаю, вспомнила ли я обо всем этом в ту минуту: органная музыка наполнила душу благоговейным ужасом, но точно помню, что смогла поймать свою маленькую мисс прежде, чем та успела открыть дверь, схватила на руки и, кричащую и брыкающуюся, унесла в теплую, ярко освещенную кухню, где Дороти и Агнес трудились над сладкими пирожками.

– Что случилось с моей милой крошкой? – воскликнула Дороти, едва увидев мисс Розамунд, которая рыдала так отчаянно, словно сердечко ее разрывалось на части.

– Эстер не позволила мне открыть дверь, чтобы впустить подружку. Она же ночью на улице замерзнет и умрет! Плохая, злая Эстер! – закричала мисс Розамунд и сердито меня ударила.

Даже если бы она ударила еще сильнее, я бы не заметила, потому что, взглянув на Дороти, увидела на ее лице такой ужас, от которого застыла кровь в жилах.

– Скорее запри дверь кухни и задвинь засов! – распорядилась Дороти, обращаясь к Агнес.

Больше она ничего не сказала, но дала мне изюма и миндаля, чтобы успокоить воспитанницу. Но девочка, даже не притронувшись к лакомствам, продолжала плакать от жалости к оставшейся на снегу малышке, так что, когда от изнеможения она уснула в своей кровати,

я вздохнула с облегчением, спустилась в кухню и сказала Дороти, что приняла единственно верное решение: вернуться в деревню Эплтвейт, в отцовский дом, чтобы жить там тихо и незаметно – в мире и покое. Прежде меня напугала неизвестно откуда раздававшаяся музыка, теперь увидела собственными глазами несчастное, странно и плохо одетое, беззвучно бьющееся в окна, рыдающее дитя с темной раной на правом плече, в котором мисс Розамунд узнала тот самый призрак, который едва не довел ее до смерти (Дороти знала, что так оно и было), и терпение мое лопнуло.

Слушая меня, добрая женщина то и дело менялась в лице. А когда я умолкла, сказала, что забрать мисс Розамунд я не смогу, потому что ее опекуном считается милорд и мне не позволено распоряжаться судьбой крошки, потом спросила, готова ли я бросить любимое дитя лишь из-за звуков и видений, которые неспособны причинить вред. Все обитатели дома, кроме меня, уже успели к ним привыкнуть. Взволнованная, я заявила, что ей хорошо так говорить: она ведь знает, что означают все эти звуки и видения, которые, скорее всего, имеют отношение к этому призрачному ребенку. Похоже, Дороти стало жаль меня, она наконец сдалась и поведала все что знала. Я же, выслушав ее рассказ, пожалела, что добилась своего, потому что испугалась еще больше.

Дороти объяснила, что узнала историю от добрых соседей, которые в первые годы ее замужества еще были живы. В то время у старинного особняка не было в округе дурной славы и люди нередко сюда приходили.

Старый лорд был отцом мисс Фернивал – Дороти называла ее «мисс Грейс», потому что титул «мисс Фернивал» тогда носила старшая сестра мисс Мод, – и мало кто знал другого такого же высокомерного гордеца. Обе его дочери слыли первыми красавицами, но характером уродились в него. Ни один из многочисленных женихов не считался достойным их руки. Однако, как гласит одна из библейских истин, гордость ведет к гибели¹². Так и случилось, что обе своенравные красавицы влюбились в одного молодого человека: иноземного музыканта, которого отец привез из Лондона, чтобы тот играл вместе с ним, ибо, помимо гордыни, лорд обладал неутолимой страстью к музыке и мастерски владел всеми известными инструментами. Странно, что музыка не смягчила его нрав, и до последних дней он оставался безжалостным до жестокости и, как поговаривают, свел в могилу свою бедную жену. Так вот: лорд до безумия любил музыку и не жалел ради нее никаких денег, вот и привез иностранца, который так чудесно играл, что даже птицы переставали петь. Мало-помалу музыкант до такой степени завладел душой лорда, что тот стал вызывать его из года в год, а потом привез из Голландии орган и установил в холле, где тот и стоит по сей день. Смуглый маэстро научил господина играть, а пока тот наслаждался звуками нового прекрасного инструмента, уходил в лес то с одной молодой леди, то с другой. Сегодня выбирал в спутницы мисс Мод, а завтра уже приглашал на прогулку мисс Грейс.

Мисс Мод победила в соперничестве и тайно обвенчалась с музыкантом, а еще до его очередного визита в фермерском доме на болотах разрешилась от бремени девочкой, в то время как отец и сестра думали, что она уехала в Донкастер на скачки. Статус жены и матери ничуть ее не смягчил, осталась она такой же гордой и своенравной. А вот страсти в ней стало еще больше, поскольку она безумно ревновала супруга к мисс Грейс, которой он оказывал чрезмерное внимание – чтобы не вызывать подозрений, как он объяснял жене. В конце концов, и мисс Грейс добилась своего, а мисс Мод (мисс Фернивал) прониклась еще большей яростью по отношению как к мужу, так и к сестре. Конфликт закончился тем, что способный без труда скрыться в дальних странах виновник всех неприятностей покинул поместье на целый месяц раньше обычного и пригрозил, что больше никогда не вернется.

¹² «Погибели предшествует гордость, и падению – надменность». Книга притчей Соломоновых, 16:18.

Девочка росла в доме фермера, и мать не реже раза в неделю приказывала оседлать лошадь и отправлялась на болота навестить дорогое дитя. Да, если она любила, то любила всем сердцем, ну а если уж ненавидела, то всей душой. Старый лорд продолжал играть на органе, и слуги думали, что прекрасная музыка способна смягчить жестокий нрав, о котором (по словам Дороти) ходили страшные слухи. Со временем господин заметно ослаб и передвигался только с костылями. Сын его – отец нынешнего лорда Фернивала – отбыл с армией в Америку, а второй сын служил во флоте. Таким образом, мисс Мод стала в доме почти полноправной хозяйкой. С каждым днем они с мисс Грейс относились друг к другу все хуже и хуже. Дошло до того, что разговаривали сестры только в присутствии старого лорда.

Следующим летом иноземный музыкант приехал снова, однако соперницы до такой степени замучили его бешеной ревностью и столь же бешеной страстью, что бедняга устал и бежал, чтобы больше не возвращаться. Больше о нем никто не слышал. Мисс Мод, надеявшаяся после смерти отца раскрыть свой брак, осталась в положении брошенной жены, о замужестве которой никто не знал, и одинокой матери, не способной признать собственное, до самозабвения любимое дитя. В довершение несчастий ей приходилось жить с жестоким, внушавшим страх отцом и ненавистной сестрой. Когда миновало следующее лето, а смуглый красавец музыкант так и не появился, обе молодые леди погрузились в печаль и приобрели изможденный вид, хотя выглядели от этого не менее красивыми. Со временем настроение мисс Мод заметно улучшилось, поскольку отец совсем ослаб и с головой погрузился в музыку. Отныне они с сестрой жили практически отдельно: мисс Грейс занимала западное крыло дома, а мисс Мод обитала в восточном, в тех самых комнатах, которые теперь стояли запертыми, – поэтому мисс Мод решила забрать дочку к себе, но никто не должен был об этом знать, кроме слуг, которые не осмеливались произнести ни слова и, как она считала, верили, что госпожа приютила дочь фермера, к которой привязалась всей душой. По словам Дороти, все это было широко известно, однако о том, что произошло потом, знали только мисс Грейс и миссис Старк, в то время хоть и служившая горничной, но уже ставшая верной подругой – более близкой, чем когда-то была сестра. Однако из случайно услышанных слов слуги заключили, что мисс Мод сочла себя победительницей в соперничестве и заявила мисс Грейс, что музыкант все время лишь притворялся влюбленным в нее, а на самом деле женился на ней, мисс Мод. В тот день лицо и губы мисс Грейс навсегда побелели, и с тех пор она не раз повторяла, что рано или поздно отомстит обидчице. А миссис Старк не переставала шпионить в восточном крыле.

И вот в первую же ночь нового года, когда снег толстым слоем лежал на земле и продолжал падать так густо, что никто не осмеливался выйти на улицу, особняк буквально содрогнулся от страшных проклятий, которые выкрикивал старый лорд, а ему отчаянно возражал женский голос; горько и испуганно плакал ребенок. А потом наступила мертвая тишина, нарушаемая лишь удаляющимися вверх по холмам стонами и приглушенными рыданиями. Господин собрал всех слуг и с жестокими ругательствами объявил, что его старшая дочь опозорилась и он выгнал ее из дому вместе с ребенком. А если кто-нибудь из них осмелится им помочь, предоставив пищу или кров, то он станет без устали молиться, чтобы отступник никогда не попал в рай. Все это время мисс Грейс стояла возле отца – бледная и неподвижная словно камень, – а когда господин закончил речь, глубоко вздохнула, словно завершила свою работу и достигла цели. После этого старый лорд ни разу не притронулся к органу и меньше чем через год умер. Ничего удивительного: ведь наутро после той страшной ночи спускавшиеся с холмов пастухи нашли сидевшую под падубами, безумно улыбавшуюся мисс Мод, которая баюкала мертвую девочку со страшной раной на плече. Но не рана убила дитя, добавила Дороти, а холод и снег. Все дикие звери попрятались в норы, каждое домашнее животное укрылось в хлеве, и только несчастная мать со своим невинным ребенком блуждала по ледяным пустошам. Ну вот, Эстер, теперь ты знаешь все. Отступил ли твой страх?

Конечно, я испугалась больше прежнего, однако сказала, что ничего не боюсь, хоть и желала как можно скорее навсегда покинуть этот жуткий дом, но не могла ни бросить свою подопечную, ни тайком забрать с собой. Оставалось одно: оберегать ее пуще прежнего! Отныне мы запирали двери и ставни за час до наступления темноты, опасаясь оставить их открытыми хотя бы на пять лишних минут, но моя маленькая подопечная все равно постоянно слышала стоны, рыдания и стенания. Что бы мы ни говорили, как бы ни отвлекали ее, она продолжала рваться к своей несчастной подружке, чтобы впустить ее в дом и спасти от жестокого холода и ветра. Все это время я старалась держаться как можно дальше от обеих дам, потому что боялась их, зная, что ни серые каменные лица, ни туманные, устремленные в далекое мрачное прошлое глаза добра не принесут. И все же мисс Фернивал вызывала во мне нечто вроде жалости. Даже мертвые не выглядят настолько лишенными надежды, как выглядела она. Наконец сострадание к той, что по доброй воле не произносила ни единого слова, заставило меня молиться за нее. Я даже научила свою подопечную молиться за тех, кто совершил смертный грех. Однако часто, доходя до этих слов, она к чему-то прислушивалась, вскакивала с колен и говорила:

– Слышу, как плачет и умоляет о помощи моя маленькая подружка. О, позволь ее впустить, а не то она умрет!

Однажды поздним вечером, когда зима, как я надеялась, повернула к весне, колокольчик из западной гостиной прозвонил трижды, что служило сигналом для меня. Несмотря на то что малышка Розамунд уже спала, я не захотела ее оставить, так как старый лорд играл громче и яростнее обычного, и я испугалась, как бы моя подопечная не услышала плач ребенка-призрака. Увидеть девочку она не могла: я плотно закрыла и заперла ставни, поэтому достала воспитанницу из кровати, завернула в теплое одеяло и понесла вниз, в гостиную, где, как обычно, пожилые дамы сидели за рукоделием. Когда я вошла, обе подняли головы, и миссис Старк с изумлением спросила, зачем я вытащила ребенка из теплой колыбели и принесла с собой. Я шепотом ответила, что побоялась, как бы в мое отсутствие малышку не выманила призрачная Фернивал. Миссис Старк тут же меня оборвала и, быстро взглянув на мисс Грейс, сказала, что та хочет, чтобы я исправила ошибки в их работе: они обе очень плохо видят. Пришлось положить малышку на диван, занять место рядом с дамами и, собравшись с духом, взяться за дело.

Тем временем ветер завывал все громче и печальнее, но моя девочка крепко спала: ветер ее не беспокоил, а мисс Фернивал сидела, не произнося ни слова и не оборачиваясь, когда порывы сотрясали окна. Внезапно она выпрямилась в полный рост, подняла руку, словно призывая нас прислушаться, и воскликнула:

– Голоса! Ужасные крики! Это отец!

В тот же миг маленькая госпожа вздрогнула и, проснувшись, воскликнула:

– Моя подружка плачет, да так горько!

Девочка вскочила, намереваясь куда-то бежать, но запуталась ножками в одеяле, и я успела ее поймать. Мне стало страшно: хозяйка дома и малышка Розамунд слышали звуки, о которых мы с миссис Старк даже не подозревали, но не прошло и пары минут, как шум усилился и достиг наших ушей. Теперь мы тоже слышали голоса и крики, а вовсе не завывание зимнего ветра. Миссис Старк посмотрела на меня, я взглянула на нее, но ни она, ни я не осмелились произнести ни слова. Неожиданно мисс Фернивал направилась к двери, вышла в переднюю и по западному вестибюлю поспешила в главный холл. Миссис Старк не отставала ни на шаг, а я не осмелилась остаться в гостиной, хотя страшно боялась. Плотнее завернув свою малышку в одеяло, прижав к груди, я последовала за ними. В холле крики звучали нестерпимо громко и неумолимо приближались, пока не раздались рядом, по другую сторону запертой двери. Я заметила, что огромная бронзовая люстра на потолке ярко сияла, хотя не давала света, а в обширном камине горел не источавший тепла огонь, и, вздрогнув, еще крепче прижала к груди свое сокровище. Тут дверь в восточное крыло затряслась, а малышка Розамунд забилась у меня на руках и требовательно закричала:

– Эстер, я должна идти! Там моя подружка! Слышу, как она идет! Эстер, отпусти меня!

Я держала ее изо всех сил, собрав волю и решимость. Даже если бы пришлось умереть, руки продолжали бы прижимать крошку к груди. Мисс Фернивал стояла, внимательно вслушиваясь в звуки и не обращая внимания на маленькую леди, которая уже сумела вырваться из объятий и спуститься на пол. Я пыталась удержать ее, стоя на коленях и обнимая за плечи, но она все равно билась, желая освободиться и убежать.

Внезапно дверь в восточное крыло с треском распахнулась, словно под действием мощного рывка, и в таинственном свете предстала фигура высокого старика с длинными седыми волосами и пылающими глазами. С ненавистью и презрением он тащил за собой прекрасную, но мрачную женщину, в подол которой вцепилась испуганная рыдающая девочка.

– Ах, Эстер, Эстер! – воскликнула Розамунд. – Это же та самая леди, которая сидела под падунами! А вместе с ней моя подружка. Эстер! Отпусти меня к ним, они зовут. Я чувствую их. Знаю, что должна к ним пойти!

И она снова принялась биться, пытаясь вырваться на волю, но я сжимала ее все крепче и крепче, пока не испугалась, что причиняю боль. И все равно даже это казалось меньшим злом, чем отпустить малышку к ужасным призракам. Они прошли по холлу к главной двери, где в ожидании жертвы ветер завывал особенно жестоко, но прежде чем достигли цели, леди обернулась и оказала старику яростное, уверенное сопротивление. А потом я увидела, как она жалобно вскинула руки, пытаясь защитить несчастное дитя от удара занесенным костылем.

Во власти непреодолимой силы малышка Розамунд билась в моих объятиях и рыдала, но уже заметно слабела.

– Они хотят, чтобы я поднялась с ними на холмы! Зовут меня к себе. О, моя милая подружка! Я бы пошла с тобой, но злая, плохая Эстер очень крепко держит и никак не отпускает.

Но тут малышка увидела занесенный костыль и от страха потеряла сознание, а я возблагодарила Бога. В этот миг, как только высокий старик с развевающимися, словно на ветру, седыми волосами, собрался ударить жавшуюся к матери девочку, стоявшая рядом со мной пожилая леди – мисс Фернивал – заломила руки и воскликнула:

– Ах, отец, отец! Пожалейте хотя бы невинное дитя!

В тот же миг и я, и все остальные увидели еще один воплотившийся призрак, внезапно материализовавшийся из наполнявшего холл тусклого голубоватого света. Нашим взорам явилась доселе незаметная молодая леди, стоявшая возле старика с выражением непримиримой ненависти и жестокого презрения на лице. Она была очень красивой: в низко надвинутой на гордый лоб мягкой белой шляпе, с красными, изогнутыми в ледяной улыбке тонкими губами, одетая в атласное голубое платье с распахнутым корсажем. Призрак воплощал образ мисс Грейс в молодости. Несмотря на страстные мольбы старой мисс Фернивал, ужасные призраки не остановились.

Поднятый костыль рухнул на плечо ребенка и нанес тяжелую рану, а младшая сестра с каменным безжалостным спокойствием наблюдала за жестокой расправой. Спустя мгновение тусклый свет и холодный огонь в камине погасли, а к нашим ногам упала сраженная смертельным параличом старая мисс Фернивал.

Ее уложили в постель, и больше она не встала: несколько дней пролежала лицом к стене, без конца повторяя одни и те же слова:

– Увы, увy! То, что сделано в молодости, не исправить в старости.

И отошла в мир иной.

Рассказ помещика

В 1769 году городок Барфорд взбудоражила новость: некий господин (по словам хозяина местной гостиницы «Георг», истинный джентльмен) осматривал старый дом мистера Клаверинга. Дом этот располагался и не в городе, и не в деревне, а стоял на окраине Барфорда, на обочине ведущей в Дерби дороги. Последним его владельцем был некий мистер Клаверинг – представитель почтенной семьи из Нортумберленда, приехавший жить в Барфорд, в родовое поместье, из-за того, что судьба после кончины старших братьев сделала его младшим сыном¹³. Здание, о котором я рассказываю, горожане называли Белым домом из-за цвета штукатурки. За ним раскинулся обширный сад и располагались добротные конюшни со всем современным оборудованием, которые построил мистер Клаверинг. Конюшни должны были служить рекомендацией для сдачи дома в аренду, ибо находился он в охотничьем графстве, а другими достоинствами не располагал. Пять из многочисленных спален следовали одна за другой в виде анфилады; несколько гостиных выглядели маленькими и тесными, стены выше деревянных панелей были выкрашены в неприглядный серый цвет. Чуть более приятное впечатление производила уютная просторная столовая и парадная гостиная над ней. Красивые полукруглые окна обоих помещений выходили в сад.

Таким Белый дом представал перед путешественниками, хотя коренные жители Барфорда ценили его, считая самым большим зданием округа, где горожане и сельчане нередко встречались на устраиваемых мистером Клаверингом дружеских обедах. Чтобы в полной мере оценить значение этого обстоятельства, следует провести несколько лет в окруженном поместьями маленьком провинциальном городке. Тогда сразу станет ясно, что вежливый поклон представителя почтенного сельского семейства поднимает получившего его в собственных глазах ничуть не меньше, чем голубые подвязки с серебряной каймой возвышали подопечных мистера Бикерстафа¹⁴. После столь важного события счастливцев целый день летал словно на крыльях, а после того, как мистер Клаверинг уехал, встречаться стало негде.

Я перечисляю эти подробности, чтобы вы могли представить желательность аренды Белого дома в воображении обитателей Барфорда. А чтобы оживить впечатление, подумайте о том, какое огромное значение и влияние приобретает в маленьком городке любое, даже самое мелкое событие. Тогда, скорее всего, вас не удивит, что не меньше двадцати оборванных уличных мальчишек следовали за упомянутым джентльменом до двери особняка. И хотя он провел внутри не меньше часа в сопровождении мистера Джонса, секретаря местного поверенного, к уже собравшимся наблюдателям присоединились еще не меньше тридцати зевак, жаждущих любой, пусть даже самой малой новости, так что толпу пришлось разгонять угрозами и даже кнутом. И вот, наконец, джентльмен и секретарь вышли на улицу, причем последний что-то энергично говорил первому. Джентльмен был высокого роста, хорошо одет и весьма привлекателен, но впечатление портил способный смутить внимательного зрителя пронзительный взгляд холодных голубых глаз. Надо заметить, что среди собравшихся любопытных мальчишек и дурно воспитанных девчонок таковых не оказалось, но стояли они слишком близко к крыльцу, что создавало неудобство, а потому джентльмен поднял правую руку, в которой держал короткий кавалерийский хлыст, и нанес несколько резких ударов по тем, кто оказался к нему ближе всех. Причем, когда жертвы с воплями бросились врассыпную, на красивом лице появилось выражение хищного удовольствия, хотя и всего лишь на мгновение.

¹³ Младший сын не наследует ни фамильного поместья, ни титула, однако в данном случае все правомочные наследники умерли.

¹⁴ Символ высшего рыцарского ордена Великобритании – подвязки; Исаак Бикерстаф – псевдоним Ричарда Стила (1672–1729), основателя журнала «Татлер»; написал несколько колонок о своих племянниках, которых опекал.

Затем джентльмен вытащил из кармана пригоршню мелких серебряных и медных монет и бросил в толпу.

– Вот вам компенсация, собирайте, а днем, в три часа, приходите к гостинице «Георг» и получите еще.

И под радостные крики толпы джентльмен вместе с секретарем удалился, с усмешкой заметив:

– Пожалуй, позабавлюсь, а заодно и научу их почтению. Знаете, как я это делаю? Прежде чем бросить им монеты, раскалю их в каминном совке. Приходите посмотреть на это зрелище и послушать вой. Буду рад, если в два составите мне компанию за обедом: к тому времени как раз приму решение насчет дома.

Мистер Джонс, секретарь поверенного, принял приглашение, но проникся к клиенту тайной неприязнью, хотя не желал признаться даже самому себе в том, что человек с полным кошельком денег, державший множество лошадей и упоминавший известных всей стране аристократов как близких знакомых, к тому же вознамерившийся купить Белый дом, мог оказаться вовсе не джентльменом. И все же вопрос: кто такой этот мистер Робинсон Хиггинс на самом деле? – занимал мысли секретаря еще долгое время после того, как сам мистер Хиггинс, его слуги и лошади обосновались в Белом доме.

Услужливый и чрезвычайно довольный владелец покрыл здание слоем свежей штукатурки (на сей раз бледно-желтой), в то время как арендатор не пожалел средств на внутреннее убранство – настолько яркое и эффектное, что жители Барфорда целых девять дней без устали его обсуждали. Серые стены превратились в розовые с золотыми узорами. Старинные перила были заменены новыми, позолоченными. Но главное – конюшни превратились в настоящее чудо. Со времени знаменитого римского императора никогда еще лошади не жили в такой роскоши¹⁵. Все говорили, что удивляться здесь нечему: достаточно было посмотреть, как этих животных, до глаз укрытых драгоценными попонами, гордо выгибавших стройные шеи и выступавших коротким, полным сдержанной энергии шагом, вели по улицам Барфорда. Лошадей сопровождал всего один конюх, хотя они требовали заботы по меньшей мере троих. Однако Мистер Хиггинс предпочел нанять двух парней из Барфорда, и горожане высоко оценили это мудрое и великодушное решение. В результате слонявшиеся без дела молодые люди не только получили работу, но и достигли такого профессионального мастерства, что вполне могли бы соответствовать уровню Донкастера или Ньюмаркета¹⁶. Та часть Дербишира, где располагался Барфорд, находилась слишком близко к Лестерширу, чтобы не заниматься охотой и не содержать свору собак. Свора принадлежала некоему сэру Гэри Манли, к которому в полной мере относилось выражение «охотник или никто»¹⁷. Он оценивал человека по длине луки его седла, а не по выражению лица или форме головы. Но, как говаривал сам сэр Гэри, порой лука оказывалась слишком длинной, поэтому окончательное мнение он составлял, лишь увидев всадника верхом: если посадка оказывалась уверенной и свободной, рука легкой и в то же время твердой, а храбрость очевидной, то сэр Гэри называл его братом.

Мистер Хиггинс принял участие в первом выезде сезона не в качестве полноправного члена охотничьего сообщества, а в качестве приглашенного любителя. Охотники из Барфорда гордились своим мастерством наездников, а знание местности впитывали с детства. И все же этот странный человек, которого никто не знал, присутствовал при убийстве загнанного зверя. Невозмутимо и уверенно сидя на идеально вычищенной лошади и отрезая лисий хвост¹⁸, он высокомерно обращался к почтенному охотнику, а раздражавшийся даже при малейшем

¹⁵ Римский император Калигула провозгласил своего коня Инцитата сенатором и консулом, кормил из яслей слоновой кости, а поил из золотого ведра.

¹⁶ В этих городах с XVII в. традиционно проводились скачки.

¹⁷ Автор отсылает к девизу Цезаря Борджиа (ок. 1476–1507): «Aut Caesar, aut nihil» – «Или король, или никто» (лат.).

¹⁸ По обычаю новый охотник получал право на хвост добытого зверя.

упреке со стороны сэра Гэри и презиравший каждого, кто осмеливался оспорить шестидесятилетний опыт в качестве конюха, охотника, браконьера и так далее, старый Исаак Уормли покорно выслушивал мнение незнакомца, лишь изредка бросая быстрые хитрые взгляды, чем-то похожие на мудрые взгляды бедного покойного Рейнарда, вокруг которого собаки выли, невзирая на короткий хлыст – такой же, как торчал из рваного кармана самого Уормли. Когда сэр Гэри выехал на опушку леса, а за ним и остальные участники охоты, мистер Хиггинс уже стоял там, сняв шляпу, кланяясь почтительно и в то же время иронично, с легкой улыбкой отвечая на недовольные взгляды одного-двух оставших всадников.

– Отличная скорость, сэр, – похвалил сэр Гэри. – Вы впервые охотитесь с нами, но надеюсь впредь часто вас видеть.

– А я надеюсь стать полноправным членом сообщества, сэр, – ответил мистер Хиггинс почтительно.

– Счастлив и горд видеть в наших рядах столь отважного наездника. Полагаю, вы сократили путь по жнивью и перепрыгнули через живую изгородь, тогда как некоторые из наших друзей... – Вместо продолжения он хмуро взглянул на парочку трусов. – Позвольте представиться: хозяин гончих и глава местного охотничьего сообщества. – Он опустил руку в жилетный карман и достал визитную карточку. – Некоторые из участников были так добры, что согласились составить мне компанию за обедом. Могу ли я просить и вас оказать такую честь?

– Меня зовут Хиггинс, – ответил незнакомец с низким поклоном. – Только недавно поселился в Барфорде, в Белом доме, и еще не успел разослать рекомендательные письма.

– Черт возьми! – воскликнул сэр Гэри. – Человек из такого почтенного особняка, да еще с таким красивым хвостом в руке станет желанным гостем в каждом доме графства (а сам я родился и вырос в Лестершире)! Поверьте, мистер Хиггинс, буду горд познакомиться с вами ближе за своим обеденным столом.

Робинсон Хиггинс отлично знал, как продолжить и укрепить начатое таким образом знакомство: можно спеть что-нибудь душевное, рассказать пикантный анекдот или устроить забавный розыгрыш – и при этом в полной мере обладал тем острым светским чутьем, которое у некоторых развито почти до инстинкта и позволяет безошибочно понять, над кем можно подшутить без опасения вызвать обиду и в то же время заслужить аплодисменты более почтенных, знатных и процветающих зрителей.

Так и вышло, что не прошло и года, как мистер Робинсон Хиггинс стал самым популярным членом охотничьего сообщества Барфорда, на два корпуса обойдя всех остальных, как однажды признал его главный патрон сэр Гэри Манли, когда приятели вместе возвращались с обеда в доме одного из окрестных помещиков, также заядлого охотника.

– Понимаете ли, – признался сквайр Керн, крепко вцепившись в пуговицу, – вы, наверное, заметили, что этот молодой франт не спускает глаз с моей Кэтрин. А она хорошая, скромная девочка, и к тому же по завещанию матушки в день свадьбы получит десять тысяч фунтов. Простите, сэр Гэри, но мне бы не хотелось, чтобы дочка сгубила себя опрометчивым замужеством.

Хоть сэру Гэри Манли и предстоял долгий путь при свете едва родившейся луны, глубокая искренняя тревога сквайра Керна настолько тронула его доброе сердце, что он специально вернулся в столовую, чтобы более торжественно, чем берусь передать, заверить хозяина:

– Любезный сквайр, готов смело утверждать, что уже хорошо знаю Хиггинса и готов за него поручиться. Если бы у меня было несколько дочерей, то смело доверил бы ему выбор.

Сквайр Керн даже не подумал уточнить, на чем основана такая уверенность старого друга: слишком уж поспешно было высказано мнение. По натуре сквайр Керн не был мнительным или особо недоверчивым, но в данном случае тревога стала следствием любви к Кэтрин – единственной дочери. После слов сэра Гэри старик с легким сердцем, хотя и не очень твердой походкой, прошествовал в гостиную, где хорошенькая скромница Кэтрин и мистер Хиг-

гинс стояли рядышком возле камина. Он что-то ей тихо говорил, а она слушала, потупив взор. Девушка выглядела такой счастливой и так походила на свою покойную матушку в молодости, что все его мысли сосредоточились на стремлении ее порадовать. Сын и наследник собирался жениться и привести молодую жену в дом отца, а Барфорд и Белый дом находились всего в часе езды от поместья. Приняв во внимание все эти обстоятельства, добрый сквайр спросил мистера Хиггинса, не согласится ли тот остаться на ночь, ведь при зарождающейся луне дорога будет темной. А Кэтрин взглянула в ожидании ответа с очаровательной тревогой, но без тени сомнения.

При столь активном поощрении со стороны сквайра однажды утром вся округа глубоко удивилась, обнаружив, что мисс Кэтрин Керн исчезла. Как обычно в таких случаях, беглянка оставила записку с сообщением, что отправилась в Гретна-Грин вместе с избранником своего сердца. Никто не понимал, почему девушка не могла спокойно обвенчаться в приходской церкви. Впрочем, она всегда была слишком романтической и сентиментальной, крайне избалованной и сумасбродной. Любящий и добрый отец обиделся на столь явное неверие в его неизменное расположение, но когда из дома будущего тестя-баронета, где бракосочетание готовилось с соблюдением всех правил, примчался разгневанный сын, сквайр Керн со всей непреложностью встал на защиту молодой пары и опроверг обвинение любимой дочери в своеволии и дерзком, непочтительном поведении. И все же противостояние закончилось категоричным заявлением мистера Натаниела Керна, что они с будущей женой не желают иметь ничего общего с сестрой и ее мужем.

– Не горячись и не делай поспешных выводов, пока не познакомишься с ним, Нат! – взмолился сквайр, предчувствуя болезненный семейный разлад. – Он вроде бы вполне приличный человек – по крайней мере так о нем отзывается сэр Кэрри.

– К чертям сэра Кэрри! Для него главное – чтобы человек уверенно сидел на лошади, а остальное неважно. Кто он такой, этот тип? Откуда сюда явился? Какими средствами располагает? Из какой семьи происходит?

– Приехал с юга: то ли из Суррея, то ли из Сомерсетшира, точно не помню. Не беден, за все платит щедро и без раздумий. В Барфорде не найдется торговца, который не подтвердит, что о деньгах он заботится не больше, чем о воде. Не знаю, из какой он семьи, однако по его печати с гербом при желании можно выяснить родословную. К тому же он регулярно ездит на юг, чтобы собрать арендную плату в своих поместьях. Ах, Нат! Если бы только ты не был столь категоричен, мы вместе с чистым сердцем порадовались бы за Кэт!

Натаниел помрачнел еще больше и тихо изрек себе под нос пару проклятий. Бедный старый отец пожинал плоды малодушного потакания своим чадам. Супруги Керн действительно отказались общаться с Кэтрин и ее мужем, а сквайр не осмеливался пригласить дочь в Левисон-холл, по-прежнему находившийся в его собственности. Больше того, всякий раз, уезжая в Белый дом, он как будто совершал побег, а если оставался там ночевать, то, возвратившись на следующий день, был вынужден придумывать ложные оправдания, которым Натаниел все равно не верил. Но супруги Керн были единственными, кто отказался посещать Белый дом: мистер и миссис Хиггинс пользовались значительно большей популярностью, чем их чопорные, высокомерные родственники. Кэтрин стала замечательной хозяйкой, и благодаря воспитанию ее ничуть не раздражала недостаточная утонченность окружения мужа. И горожан, и окрестных помещиков она встречала неизменно приветливой улыбкой и, не прилагая к этому усилий, способствовала его успеху в обществе.

И все-таки для каждой бочки меда найдется своя ложка дегтя. В Барфорде такую зловещую роль играла мисс Пратт, способная делать неблагоприятные выводы из самых невинных событий и разговоров. Она не охотилась, поэтому не знала про мастерство мистера Хиггинса в верховой езде; не выпивала, поэтому щедро подававшиеся на приемах великолепные вина не смягчали ее душу; терпеть не могла комические куплеты и забавные анекдоты, так

что в этом отношении ее одобрение и вообще оставалось недоступным. А именно эти три секрета популярности и составляли неотразимое очарование мистера Хиггинса. Мисс Пратт сидела молча и наблюдала. Даже самые забавные истории нисколько не меняли каменно-неподвижное выражение ее лица, однако острый как кинжал взгляд крошечных немигающих глаз, который Хиггинс скорее чувствовал, чем замечал, бросал его в дрожь даже в жаркий день. Мисс Пратт относилась к течению диссентеров¹⁹. Поэтому, чтобы задобрить этого Мардохея в юбке²⁰, мистер Хиггинс пригласил к обеду священника-диссентера, чьи службы она регулярно посещала. За столом хозяин вел себя примерно и даже внес щедрое пожертвование в пользу бедных прихожан часовни, но все напрасно: ни один мускул на лице мисс Пратт не дрогнул и не выразил благосклонности. Больше того, мистер Хиггинс понял, что, несмотря на открытые усилия задобрить мистера Дэвиса, противоположная сторона оказывала тайное влияние, придавая любым действиям неблагоприятную окраску. Мисс Пратт, тщедушная старая дева, отравляла безмятежное, счастливое существование мистера Хиггинса, несмотря на то, что не произнесла ни единого неучтеного слова в его адрес, а, напротив, неизменно обращалась к нему с чопорной, отточенной вежливостью.

Печаль миссис Хиггинс заключалась в отсутствии детей. С какой глубокой завистью порой она останавливалась и наблюдала за беспечной игрой ребятишек, а потом, заметив, что на нее смотрят, с сожалением вздыхала и продолжала путь. Но как было, так было.

Очень скоро окружающие заметили, что мистер Хиггинс чрезвычайно заботится о своем здоровье: ест, пьет, занимается спортом и отдыхает по собственным секретным правилам. Правда, порой и он предавался излишествам, но это случалось преимущественно после возвращения из южных поместий. Необычное напряжение и усталость (дилижансов на расстоянии полусотни миль от Барфорда не существовало, а даже если бы они и были, то он, как всякий джентльмен, предпочел бы путешествовать верхом) требовали странной компенсации. В городе ходили слухи, что он запирался дома и в течение нескольких дней после возвращения пил без меры, однако все это происходило без свидетелей, так что за достоверность не поручусь.

Однажды – этот случай долго хранился в памяти горожан – охота проходила неподалеку от Барфорда, и лиса попала в той части дикой пустоши, которую как раз начали огораживать несколько богатых жителей²¹, чтобы на сельских просторах построить большие дома. Одним из самых активных деятелей огораживания стал некий мистер Даджен – поверенный в делах и агент всех окрестных семейств. Несколько поколений Дадженов занимались оформлением договоров аренды, брачных контрактов и завещаний. Отец мистера Даджена обладал полномочием собирать ренту для землевладельцев, точно так же как в дальнейшем сам мистер Даджен, а затем его сын и внук. Бизнес превратился для них в подобие фамильного наследства и вселил феодальное чувство, смешанное с гордой скромностью по отношению к помещикам, чьими секретами относительно происхождения земель и состояний они владели полнее, чем сами клиенты.

Мистер Джон Даджен построил дом на пустоши Уайлдбери. Хоть он и называл его коттеджем, двухэтажное здание занимало огромную площадь, а для внутренней отделки были специально приглашены мастера из Дерби. Сад, хотя и не очень обширный, также отличался оригинальной планировкой и был засажен только самыми редкими растениями. Какое же глубокое огорчение и разочарование испытал хозяин столь изысканного поместья в тот день, когда

¹⁹ От *лат.* *dissentio* – не соглашаюсь; одно из распространенных в Англии XVI–XVII вв. названий лиц, отступающих от официального вероисповедания.

²⁰ Персонаж Ветхого Завета (Книга Эсфирь, 3:1–6), кузен Эсфири, жены царя Агасфера, отказавшегося поклониться царскому вельможе Аману; упомянут как образец человека, готового кланяться исключительно законному правителю.

²¹ Огораживание общинных земель разделяло поля и пастбища, превращая их в частные владения; началось в 1750 г. и завершилось к концу XIX в. Изгороди создали серьезные препятствия для верховой охоты.

после долгого преследования, пробежав не один десяток миль, лиса спряталась в его саду. Это оскорбление мистер Даджен хоть и с трудом, но стерпел, а в шок его поверг грубый стук рукояткой хлыста в окно столовой, когда один из местных сквайров, бесцеремонно проехав по изумрудной лужайке, поставил хозяина в известность о намерении охотников прочесать сад и загнать лису. Мистеру Даджену пришлось постараться заставить себя любезно улыбнуться и приказать подать к ленчу все, что нашлось в доме, справедливо рассудив, что после шестичасовой погони охотники будут рады и даже самому скромному угощению. Он не без содрогания вынес вторжение грязных сапог в безупречно чистые комнаты, но по достоинству оценил деликатность, с которой мистер Хиггинс ходил на цыпочках, восхищенно оглядывая убранство.

– Собираюсь тоже построить дом, Даджен. И, честное слово, лучший образец невозможно представить.

– О, моя бедная хижина слишком мала, чтобы послужить примером для дома, который вы захотите возвести, мистер Хиггинс, – скромно отозвался хозяин, с удовольствием потирая руки.

– Вовсе нет! – горячо возразил гость. – Позвольте взглянуть. У вас здесь столовая, парадная гостиная... – Он умолк в нерешительности, и мистер Даджен тут же продолжил перечисление:

– Четыре гостиные, маленькие, но очень уютные, и четыре спальни. Но позвольте показать вам дом. Признаюсь, что приложил некоторые усилия к оформлению, так что, несмотря на скромные размеры, он может навести кое на какие полезные мысли.

Они оставили охотников с полными ртами и тарелками за столом, над которым запах лисицы перекрывал даже запах свежей ветчины, и внимательно осмотрели первый этаж. А затем хозяин любезно предложил:

– Если вы не слишком устали, мистер Хиггинс, поднимемся наверх, и я покажу вам свое святилище. Видите ли, это мое хобби, так что, когда посчитаете нужным, просто остановите.

Святыней мистера Даджена оказалась центральная комната, расположенная над крыльцом, превращенным в убранный великолепными цветами балкон. Комнату украшали всевозможные элегантные приспособления, скрывающие истинную прочность шкафов и ящиков, необходимых для профессиональной деятельности хозяина. Имея контору в Барфорде, он предпочитал (как сам объяснил гостю) хранить самые ценные документы дома, поскольку считал, что здесь надежнее, чем в кабинете, который на ночь запирался и оставался без присмотра. Однако, как, игриво ткнув собеседника в бок, заметил при следующей встрече мистер Хиггинс, его дом оказался вовсе не абсолютно надежным. Всего через каких-то пару недель после того, как хозяин радушно принимал гостей-охотников, стоявший в святилище великолепный сейф с изобретенным самим мистером Дадженом хитроумным замком, секрет которого он поведал лишь нескольким самым близким друзьям, где хранилась рождественская рента полудюжины помещиков (в то время ближайший банк находился в Дерби), был вскрыт и ограблен. В итоге обладавший тайным богатством мистер Даджен был вынужден приостановить покупку произведений фламандских художников, поскольку деньги срочно потребовались на восполнение похищенной ренты.

Догбери и Верджес тех дней так и не смогли найти преступников. И хотя нескольких бродяг арестовали и представили мистеру Данову и мистеру Ханту – мировым судьям Барфорда, – улики против них не существовало, и после пары проведенных взаперти ночей все они вышли на свободу. Однако с тех пор любимой шуткой мистера Хиггинса стал вопрос к мистеру Даджену, не порекомендует ли тот надежное место для хранения сбережений и нет ли у него соображений на предмет защиты дома от грабителей.

Прошло около двух лет после этого случая и семь после женитьбы мистера Хиггинса, когда священник мистер Дэвис мирно сидел в кофейне гостиницы «Георг». Он принадлежал к кругу джентльменов, встречавшихся здесь для игры в вист, чтения немногих издававшихся

в те дни газет и журналов, обсуждения рынка в Дерби и цен по всей стране. Вечером этого вторника стоял жуткий мороз, и народу в зале собралось немного, но мистер Дэвис хотел дочитать до конца статью в журнале «Джентльменс мэгэзин» (точнее, он делал выписки, собираясь сочинить ответ, поскольку из-за скромного дохода не мог купить собственный экземпляр) и засиделся допоздна: часы уже показывали начало десятого, а в десять кофейня закрывалась. Но пока он писал, вошел мистер Хиггинс – бледный и промерзший до костей. Сидевший возле камина мистер Дэвис вежливо подвинулся и передал соседу единственную здесь лондонскую газету. Мистер Хиггинс взял номер и что-то заметил насчет зверского холода, однако мистер Дэвис так глубоко погрузился в статью и в свой будущий ответ, что не смог немедленно вступить в беседу. Мистер Хиггинс придвинул кресло поближе к камину, поставил ноги на решетку и, вздрогнув всем телом, положил газету на край стоявшего рядом стола. Склонившись над красными углями, он нарушил наконец молчание и спросил:

– В этом номере нет сообщения об убийстве в Бате?

Мистер Дэвис как раз закончил выписки и уже встал, собираясь уходить, однако, услышав вопрос, остался на месте и уточнил:

– А что, в Бате произошло убийство? Нет, не читал ничего подобного. И кого же, скажите на милость, убили?

– О, ужасное, дикое убийство! – воскликнул мистер Хиггинс, не отрывая взгляда от камина и глядя в огонь неестественно расширенными глазами. – Страшное, зверское убийство! Интересно, какое наказание понесет преступник? Думаю, ему самое место в пылающей глубине этого пламени. Посмотрите, каким далеким оно выглядит и как расстояние увеличивает его до невиданных, непостижимых размеров!

– Дорогой сэр, у вас жар. Вы отчаянно дрожите и трясетесь! – ответил мистер Дэвис, подумав, однако, что собеседник не только дрожит, но и явно бредит.

– Ах нет! – возразил мистер Хиггинс. – Дело вовсе не в жаре, а в отчаянно холодном вечере. – Он сменил тему и увлеченно заговорил о статье в «Джентльменс мэгэзин», поскольку сам был заядлым читателем и разделял интересы мистера Дэвиса в большей степени, чем прочие обитатели Барфорда. Наконец стрелка часов почти подобралась к десяти, и мистер Дэвис встал, намереваясь отправиться домой.

– Нет, Дэвис, не уходите. Хочу, чтобы вы посидели со мной. Выпьем вместе бутылку портвейна, и Сондерс будет доволен. А я тем временем расскажу об убийстве, – предложил Хиггинс тихим и хриплым голосом. – Подумать только! Эта пожилая леди читала Библию перед собственным камином, когда он убил ее.

Он смерил мистера Дэвиса странным пристальным взглядом, словно ждал сочувствия.

– О ком вы говорите, любезнейший? Что за убийство до такой степени вас встревожило? Здесь никого не убили.

– Глупец! – с неожиданным раздражением вскричал мистер Хиггинс. – Говорю же вам, что дело было в Бате!

Однако он тут же заставил себя успокоиться почти до бархатно-мягкой манеры, положил руку на колено собеседника и, так, ненавязчиво, того удерживая, принялся излагать подробности занимавшего его мысли преступления. Однако манера его отличалась неестественным, каменным спокойствием. Он ни разу не взглянул в лицо собеседника, а время от времени, как потом вспоминал мистер Дэвис, пальцы сжимали его колено, словно железные тиски.

– Она жила с горничной в маленьком доме на тихой старомодной улице. Люди говорят, что она была очень жадной: все копила, копила, ничего не давая бедным. Грешно, безнравственно, не так ли? Вот я, например, всегда подаю бедным, потому что однажды прочел в Библии, что любовь искупает множество грехов²². А злая старуха никому ничего не давала, а лишь

²² Послание Петра, 4:8. «Прежде всего имейте друг ко другу усердную любовь, ибо любовь покрывает множество грехов».

копила и копила деньги. Кто-то об этом узнал. Она ввела беднягу в искушение, и Бог наказал ее за это. Этот мужчина – впрочем, возможно, это была женщина, кто знает? – короче говоря, этот человек услышал, что хозяйка ходила в церковь по утрам, а служанка по вечерам. И тогда, когда и улица, и дом пустели, а вокруг сгушалась ранняя зимняя тьма, старуха дремала над Библией. А это, заметьте, большой грех, за который Господь рано или поздно накажет. И вот в темноте этот человек, о котором я рассказываю, тихо поднялся по лестнице и вошел в комнату. Сначала он... нет, предположительно, поскольку все это лишь догадки, вежливо попросил отдать ему деньги или же указать место, где они хранятся. Но старая карга не послушалась, не захотела попросить пощады и не отдала ключи от кладовки, даже когда он пригрозил ей, а просто посмотрела в лицо с таким пренебрежением, будто перед ней стоял ребенок. Ах боже! Мистер Дэвис, однажды в детстве мне приснилось, что я сам совершил тяжкое преступление. Я проснулся в горьких слезах, а матушка успокоила меня. Вот почему сейчас я так дрожу: из-за воспоминаний и холода. Да, на улице очень-очень холодно!

– И все-таки этот человек убил старую леди? – спросил мистер Дэвис. – Прошу прощения, сэръ, но ваша история меня глубоко заинтересовала.

– Да. Перерезал горло. И теперь она лежит в своей тихой маленькой гостиной с обращенным в потолок отвратительно белым лицом, в луже крови. Право, мистер Дэвис, это вино не крепче воды! Мне нужен бренди!

Мистер Дэвис пришел в ужас от истории, поразившей его ничуть не меньше, чем самого рассказчика, и уточнил:

– А есть ли какие-нибудь улики против убийцы?

Мистер Хиггинс опрокинул стакан крепчайшего, неразбавленного бренди и только после этого ответил:

– Нет! Ни малейших улик! Его никогда не найдут. Но не удивлюсь, мистер Дэвис... да, не удивлюсь, если рано или поздно он раскается и искупит преступление. Как по-вашему, тогда в судный день его ждет помилование?

– Бог его знает! – ответил мистер Дэвис и поднялся. – Ужасная история. Услышав ее, даже не хочется покидать теплую светлую комнату и выходить в холод и тьму. И все же придется. Остается лишь надеяться, что преступника поймают и повесят. А вам, мистер Хиггинс, посоветовал бы хорошенько согреть постель и, прежде чем лечь, выпить горячий поссет из патоки. Если позволите, перед тем как отправить записку в «Джентльменс мэгэзин», пришлю ее вам для ознакомления.

Следующим утром мистер Дэвис навестил приболевшую мисс Пратт и, желая развлечь, поведал услышанную накануне историю об убийстве в Бате. Ему удалось составить связный, увлекательный рассказ. Мисс Пратт приняла судьбу жертвы близко к сердцу – во многом из-за сходства ситуации: сама она также тайно копила деньги, жила с одной-единственной служанкой, а воскресными вечерами отпускала ту в церковь и оставалась дома в одиночестве.

– Когда это случилось? – взволнованно спросила мисс Пратт.

– Не могу вспомнить, назвал ли мистер Хиггинс конкретный день, но полагаю, что, скорее всего, в минувшее воскресенье.

– А сегодня среда. Дурные новости распространяются быстро.

– Да. Мистер Хиггинс даже думал, что об убийстве могли сообщить в лондонской газете.

– Невозможно. А откуда он сам узнал?

– Понятия не имею. Не спрашивал. Кажется, он только вчера вернулся домой: вроде бы ездил на юг собирать ренту.

Мисс Пратт что-то невнятно проворчала. Как правило, именно так она выражала недовольство и подозрения в адрес мистера Хиггинса всякий раз, когда упоминалось его имя.

– Боюсь, должна на несколько дней отлучиться. Годфри Мертон просил погостить у них с сестрой. Думаю, поездка пойдет мне на пользу. Уж больно угнетают эти темные зимние вечера, когда по домам рыскают убийцы, а на помощь позвать, кроме Молли, некого.

Мисс Пратт уехала к кузену. Мистер Мертон – дороживший своей репутацией активный член магистрата – однажды вошел в столовую с только что полученной почтой и объявил, доставая из стопки одно письмо:

– Дурные известия о морали в твоём городке, Джесси! Там у вас живет или убийца, или сообщник убийцы. Неделю назад в Бате жестоко перерезали горло бедной пожилой леди. И вот я получил письмо из министерства внутренних дел. Чиновники просят оказать им «квалифицированную помощь», как им было угодно выразиться, в поисках и поимке преступника. Должно быть, он отличается веселым нравом, а в момент убийства страдал от жажды. Поэтому, прежде чем приступить к ужасной работе, пригубил из фляги имбирного пива, которое хозяйка поставила бродить, а потом для прочности обернул пробку обрывком какого-то письма. Обрывок этот был найден. Сохранились лишь отдельные фрагменты слов, из которых эксперт расшифровал лишь «сквайр», «Барфорд возле Кегворта». А на обратной стороне сохранилось некое упоминание о скаковой лошади, хотя и с крайне странной кличкой: Церковь Корольдойохвостье²³.

Мисс Пратт немедленно вспомнила это имя, поскольку всего несколько месяцев назад оно оскорбило ее чувства как сторонницы движения диссентеров, и она отлично его запомнила.

– Мистер Натаниел Керн имеет или имел (выступая на суде в качестве свидетеля, я должна аккуратно употреблять время глагола) лошадь с таким абсурдным именем.

– Мистер Натаниел Керн, – повторил мистер Мертон, записав для памяти, а затем вернулся к письму из министерства внутренних дел. – Найден кусочек маленького ключа, сломавшегося в напрасной попытке открыть ящик письменного стола. И больше ничего существенного. Так что остается полагаться на письмо.

– Мистер Дэвис передал слова мистера Хиггинса... – начала мисс Пратт.

– Хиггинс! – воскликнул мистер Мертон. – Должно быть, в обрывке письма «нс» означает «Хиггинс». Это тот отчаянный парень, который сбежал с сестрой Натаниела Керна?

– Да! – подтвердила мисс Пратт. – Впрочем, я никогда его не любила...

– «Нс», – задумчиво повторил мистер Мертон. – Даже подумать страшно. Член охотничьего общества, зять доброго старого сквайра Керна! А в Барфорде живет кто-нибудь еще, чья фамилия заканчивается на «нс»?

– Есть Джексонс, Джонс. Кузен! Вот что меня удивляет: как мог мистер Хиггинс знать об убийстве и рассказывать мистеру Дэвису уже во вторник, когда преступление было совершено воскресным вечером?

Продолжение истории можно не рассказывать. Те, кто интересуется жизнью разбойников с большой дороги, найдут имя Хиггинса не менее знаменитым, чем имя Клода Дюваля²⁴. Супруг Кейт Керн собирал ренту на больших дорогах, как многие «джентльмены» того времени, однако, потерпев неудачу в нескольких приключениях и услышав преувеличенные сплетни о богатстве пожилой леди из Бата, перешел от ограблений к убийству и в 1775 году был осужден и повешен в Дерби.

Он не был плохим мужем, и в его последние дни – ужасные последние дни – несчастная жена сняла квартиру в Дерби, чтобы оставаться рядом. Старик отец сопровождал дочь повсюду, кроме тюремной камеры, и терзал без того разбитое сердце, постоянно обвиняя себя

²³ Охвостье – презрительное прозвище парламента при Кромвеле.

²⁴ Клод Дюваль – французский разбойник, промышленный в Англии в период Реставрации; в конце концов был схвачен и повешен в Тайберне.

в том, что способствовал браку с человеком, о котором так мало знал. От титула сквайра он отказался в пользу сына Натаниела. Тот процветал, и от беспомощного отца не было ему никакой пользы, однако для овдовевшей дочери наивный любящий старик оказался незаменимым помощником, став рыцарем, защитником и компаньоном – самым верным и любящим компаньоном. Вот только он решительно отказывался брать на себя роль советчика, печально качая головой и говоря: «Ах, Кейт, Кейт! Если бы мне хватило мудрости дать верный совет, сейчас тебе не пришлось бы прятаться здесь, в Брюсселе, и шарахаться от каждого англичанина, как будто тому известна твоя история».

Меньше месяца назад я побывала в Барфорде и собственными глазами увидела Белый дом. Должно быть, в двадцатый раз после мистера Хиггинса он сдавался в аренду, однако в городе по сей день ходят слухи, что когда-то здесь жил разбойник, награбивший несказанное богатство, и несправедливые сокровища спрятаны в какой-то тайной комнате, только неизвестно, в какой именно части здания.

Может, кто-то из вас захочет снять дом и поискать клад? Обращайтесь: готова сообщить точный адрес.

Бедная Клэр

Глава 1

12 декабря 1747 года

Жизнь моя странным образом связана с необычайными происшествиями, случившимися задолго до того, как я познакомился с их участниками или вообще узнал об их существовании. Полагаю, большинство стариков, подобно мне, предпочитают любовно и заинтересованно вспоминать прошлое, а не наблюдать за непосредственно происходящими перед их глазами событиями, хотя для большинства современников именно они представляют главный интерес. Если такая особенность свойственна многим пожилым людям, то уж мне особенно! Так вот, чтобы начать странный рассказ о несчастной Люси, придется углубиться в далекое прошлое. Историю ее семьи я узнал лишь после того, как познакомился с ней самой. И все же, чтобы сделать повествование связным, придется изложить события по порядку, а не так, как я их узнал.

На северо-востоке графства Ланкашир, в той его части, которая носит название котловины Болланд и примыкает к местности Крейвен, стоит величественный старинный особняк. Замок Старки представляет собой скорее нагромождение строений вокруг массивной серой древней цитадели, чем возведенный по конкретному плану особняк. Полагаю, что в те далекие дни, когда шотландцы совершали свои жестокие набеги на юг, замок состоял из одной лишь центральной башни, а с приходом Стюартов²⁵, когда в округе стало немного спокойнее, Старки того времени окружили башню двухэтажным зданием. В дни моей молодости на южном склоне был разбит великолепный сад, но, когда я впервые увидел поместье, единственным клочком обработанной земли был огород на ферме. Олени подходили так близко, что за ними можно было наблюдать из окон гостиной, а не будь они столь дики и пугливы, вполне могли бы пастись еще ближе. Сам особняк Старки стоял на возвышенном полуострове, выдававшемся из цепи холмов, создавших котловину Болланд. Ближе к вершине холмы эти оставались голыми и каменистыми, хотя внизу густо заросли лесом, кустарником и папоротником. Время от времени там встречались огромные древние деревья, словно в проклятии вздымавшие к небесам отвратительные голые ветви. Довелось слышать, что деревья эти остались от леса, существовавшего здесь еще во времена Гептархии²⁶, и даже в те далекие времена служили ориентирами. Стоит ли удивляться, что верхние ветви потеряли листву, а мертвая кора отслоилась от стволов?

Неподалеку от главного дома чудом сохранилось несколько хижин, построенных в то же время, что и башня. Должно быть, там обитали слуги, вместе с чадами, домочадцами и скотом искавшие защиты у господина. Некоторые из этих хижин пришли в упадок, да и построены они были весьма странным способом: в землю на определенном расстоянии вкопали очень толстые бревна, концы которых соединялись наподобие круглых цыганских шатров, только намного больше. Пространство между бревнами заполнялось землей, камнями, ивовыми прутьями, мусором, известковым раствором – всем, что могло защитить от непогоды. В центре грубого жилища сооружался очаг, дымоходом для которого служило круглое отверстие в крыше. Ни одна хижина на севере Шотландии и ни одна ирландская лачуга не могла выглядеть грубее и примитивнее.

²⁵ Яков I, в Шотландии – Яков VI (1566–1625), сын Марии Стюарт, в 1603 г. сменил на троне бездетную Елизавету I и правил до смерти, после чего на трон взошел его сын Карл I (в 1649 г. был казнен).

²⁶ Объединение семи англо-саксонских королевств: Кента, Суссекса, Уэссекса, Эссекса, Восточной Англии, Мерсии и Нортумберленда; существовало с 500 до 850 г.

В начале нашего века поместьем владел мистер Патрик Берн Старки. Семья его придерживалась старинной веры – то есть принадлежала к Римско-католической церкви, – причем оставалась настолько преданной и убежденной, что считала грехом брак с потомками протестантского рода, даже если те были готовы перейти в католичество. Отец мистера Патрика Старки являлся последователем короля Якова II и во время катастрофической ирландской кампании монарха влюбился в ирландскую красавицу мисс Берн, столь же ревностно отстаивавшую свою религию и власть Стюартов, как он – религию отцов и власть своего монарха. После побега во Францию Старки вернулся в Ирландию, женился на любимой невесте и увез ее обратно ко двору, в Сен-Жермен. Однако отношение части придворных короля оскорбляло прекрасную супругу и возмущало мужа, поэтому он переехал в Антверпен, откуда спустя несколько лет тихо вернулся в родной Ланкашир, где доброе отношение соседей постепенно примирило его с действующей властью. Мистер Старки оставался преданным католиком, сторонником Стюартов и теории божественной власти королей, но его религиозность граничила с аскетизмом, а поведение придворных Якова II, с которыми пришлось иметь дело в Сен-Жермене, никоим образом не соответствовало взглядам строгого моралиста, поэтому мистер Старки проявил верность короне там, где не мог проявить пиетета, и научился искренне уважать твердость и высокую мораль того, кого еще недавно считал узурпатором, – короля Вильгельма III. Правительство не боялось такого подданного, поэтому, как я уже упомянул, мистер Старки вернулся на родину с остывшим сердцем и истощившимся состоянием и поселился в старинном фамильном доме, за время длительного отсутствия хозяина – придворного, военного и изгнанника – впадшем в печальное состояние полной разрухи. Дороги в котловине Болланд превратились в глубокие колеи, а к замку можно было добраться только по вспаханному полю, подступившему вплотную к оленьему парку. Мадам, как звали местные жители миссис Старки, ехала на седельной подушке за спиной мужа, держась за его пояс. Маленький господин (впоследствии ставший сквайром Патриком Берном Старки) сидел на пони под присмотром слуги. Рядом с нагруженной скарбом телегой мерно и твердо шла женщина старше средних лет, а на телеге, на самом верхнем сундуке, отважно восседала девушка необыкновенной красоты и весело раскачивалась в такт движению по разбитой поздней осенью дороге. Волосы девушки прикрывала похожая на испанскую шаль накидка из черной голландской ткани, да и вообще выглядела она так, что старик, рассказавший мне об этом много лет спустя, признался, что все приняли ее за иностранку. Процессию завершали несколько собак и следивший за ними юноша. Путники ехали молча, серьезно глядя на жителей деревни, выходивших из домов, чтобы поприветствовать наконец-то вернувшегося настоящего сквайра, и смотревших вслед господам с живым интересом, ничуть не приглушенным звуками иностранного языка, на котором те изредка обменивались несколькими необходимыми словами. Одного из молодых зевак мистер Старки отвлек от созерцания, приказав следовать в замок, чтобы помочь с багажом. Этот парень потом рассказал, что как только мадам спустилась с седельной подушки, женщина, которую я описал как шедшую пешком, в то время как остальные ехали, быстро подошла, схватила отличавшуюся миниатюрным сложением госпожу на руки и с громким благословением на иноземном наречии перенесла через порог в дом супруга. Поначалу сам сквайр стоял и серьезно наблюдал за происходящим, однако при словах благословения снял шляпу и склонил голову. Девушка в черной шали вошла в темный зал и поцеловала госпоже руку. Это все, что, вернувшись в деревню, парень рассказал собравшимся вокруг соседям, желавшим услышать подробности и узнать, сколько сквайр заплатил за услуги.

Насколько я понял, в момент возвращения хозяина особняк находился в крайне плачевном состоянии, а точнее – представлял собой руины. Мощные серые стены, конечно, выстояли, однако комнаты пострадали от грубого обращения. Парадная гостиная служила амбаром, в украшенном дорогими гобеленами будуаре хранили шерсть, но постепенно хозяева привели дом в порядок, причем, не имея средств на покупку новой мебели, постарались наилучшим

образом использовать старую. Мистер Старки оказался неплохим столяром, а мадам обладала удивительной способностью облагораживать все, к чему прикасалась, и придавать элегантность каждой вещи, на которую обращала внимание. К тому же с континента супруги привезли множество редких диковинок. Точнее говоря, редких в той части Англии: резные фигуры, распятия, прекрасные картины. В котловине Болланд в изобилии рос лес, так что в темных старинных комнатах, создавая домашний уют, весело пылали каминные.

Зачем я все это рассказываю? Мне не пришлось общаться со сквайром и с мадам Старки, однако я постоянно о них думаю, как будто не хочу возвращаться к тем людям, с которыми так странно переплелась моя жизнь. Мадам выросла в Ирландии и была воспитана той самой женщиной, которая на руках внесла ее в дом мужа в Ланкашире. За исключением короткого периода собственной замужней жизни Бриджет Фицджеральд никогда не оставляла свою питомицу. Брак с человеком выше ее по положению оказался несчастливым. Муж вскоре умер, оставив вдову в еще более глубокой бедности, чем встретил. У нее родилась дочь – та самая прекрасная девушка, которая весело ехала на вершине повозки с мебелью и вещами. Мадам Старки снова приняла овдовевшую нянюшку в услужение. Они с дочерью сопровождали госпожу во всех ее путешествиях, жили вместе с ней в Сен-Жермене и в Антверпене, а теперь приехали в Ланкашир. Сквайр сразу выделил Бриджет собственный коттедж, причем обустроил его с такой заботой, какую больше никогда не проявлял за пределами собственного дома. Однако коттедж лишь номинально служил ее жилищем, поскольку сама Бриджет постоянно находилась возле госпожи, тем более что замок стоял совсем близко: стоило лишь пройти короткой тропинкой через лес. Дочка Мери так же свободно переходила из одного дома в другой. Мадам нежно любила обеих. Мать и дочь обладали значительным влиянием на госпожу, а через нее и на господина. Все, чего хотели Бриджет или Мери, непременно исполнялось. Они не вызывали неприязни у других слуг, поскольку, хоть и отличались горячим и страстным нравом, оставались великодушными по природе, и все-таки их боялись, поскольку считали тайными властительницами замка. Сквайр утратил интерес ко всем проявлениям мирской жизни; мадам отличалась кротостью, преданностью и покорностью. Супруги были нежно привязаны как друг к другу, так и к своему сыну, однако со временем все больше и больше старались избегать любых решений. Так и получилось, что Бриджет обрела деспотическую власть. Однако если все в замке покорялись «магии высшего ума», дочь нередко восставала. Они с матушкой обладали слишком похожими и сильными характерами, чтобы жить в согласии. Порой между ними происходили бурные ссоры и еще более бурные примирения. Случалось, что в порыве страсти одна даже могла ударить другую, но в целом обе – а особенно Бриджет – были готовы отдать за родную душу жизнь. Однако любовь Бриджет таилась очень глубоко – глубже, чем предполагала дочь, – иначе вряд ли девушка так тяготилась бы жизнью дома и просила госпожу найти ей место горничной на континенте, в той веселой европейской жизни, среди которой прошли ее самые счастливые годы. Как свойственно юности, Мери полагала, что жизнь длится вечно, и два-три года вдали от матери, чьим единственным ребенком она оставалась, пролетят незаметно. Бриджет считала иначе, однако была слишком гордой, чтобы проявить свои чувства. Если дочка желает уехать... что же, пусть едет. Но люди заметили, что за два месяца перед разлукой она постарела лет на десять: сочла, что Мери стремится расстаться с ней. На самом же деле Мери всего лишь искала новой жизни и с радостью взяла бы с собой матушку. Действительно, когда мадам Старки наконец нашла место горничной у одной богатой европейской леди и пришло время уезжать, Мери прижалась к Бриджет в страстном объятии и, обливаясь слезами, заявила, что никогда ее не бросит и останется дома. Но та сурово освободилась от объятий и, не проронив ни слезинки, приказала сдержать данное слово и отправиться в неведомый мир. Рыдая и постоянно оглядываясь, Мери тронулась в путь. Бриджет стояла неподвижно, едва дыша и глядя в одну точку, а потом ушла в свою хижину и загородила дверь тяжелой скамьей с ящиком внизу. Там она долго сидела над потухшими углями камина, не

обращая внимания на ласковый голос мадам, которая умоляла ее впустить, чтобы успокоить нянюшку. Глухая к внешнему миру, она сидела без движения почти сутки.

В третий раз мадам пришла из замка по заснеженной дорожке в сопровождении молодого спаниеля – любимца Мери, который все это время не переставал искать пропавшую хозяйку, выражая тоску жалобным воем. Обливаясь слезами, мадам из-за закрытой двери рассказала о его горе. А слезы были вызваны выражением беспредельной тоски на лице нянюшки – столь же глубокой и безысходной, как вчера. Дрожащее от холода маленькое существо на ее руках снова подало жалобный голосок. Бриджет прислушалась, шевельнулась. Вой повторился, и она поняла, что щенок плачет по ее дочери. То, что не удалось воспитаннице и госпоже, получилось у бессловесного, дорогого сердцу Мери создания. Она открыла дверь и взяла песика из рук мадам, а сама мадам вошла и принялась целовать и успокаивать безутешную мать, не замечавшую ни ее саму, ни происходившего вокруг. Добрая молодая леди отправила мастера Патрика в замок за едой и дровами, а сама провела всю ночь рядом с нянюшкой. На следующий день в хижину пришел сам сквайр и принес прекрасную иноземную картину, которую католики называют Богоматерью Святого Сердца. Это изображение Девы Марии с пронзенным стрелами сердцем, где каждая стрела воплощает одно из ее великих страданий. Я увидел картину в доме Бриджет, а сейчас она висит у меня.

Шли годы. Мери жила за границей. Из активной, полной энергии и страсти женщины Бриджет превратилась в суровую сдержанную старуху. Маленький спаниель по кличке Миньон оставался ее главным любимцем. Мне доводилось слышать, как она подолгу с ним разговаривала, хотя с людьми обычно молчала. Сквайр и мадам относились к нянюшке с почтением и любовью: вполне заслуженно, ибо та по-прежнему служила им верой и правдой. Мери часто писала матушке и казалась вполне довольной жизнью, но вдруг письма перестали приходить – не знаю, случилось ли это до или после постигшего дом Старки ужасного несчастья. Сквайр заболел сыпным тифом. Ухаживая за ним, мадам заразилась и умерла. Без сомнения, Бриджет не подпустила никого к больной, и на руках той, кто приняла ее при рождении, очаровательная молодая женщина закончила свои дни и испустила последнее дыхание. А сквайр поправился, однако изменился до неузнаваемости: уже никогда не был прежним и больше ни разу не улыбнулся, соблюдал все посты и молился. Поговаривали даже, что пытался отменить майоратное наследование собственности и избавиться от поместья, чтобы найти за границей монастырь, где когда-нибудь маленький сквайр Патрик мог стать настоятелем, но из-за строгости законов против католиков у него ничего не получилось. Поэтому он назначил сыну опекунов, возложив на них множество поручений в отношении его души и значительно меньше – в отношении поместья и управления им до тех пор, пока Патрик не достигнет возраста наследования. Конечно, и Бриджет не была забыта. Уже на смертном одре сквайр призвал ее и спросил, что для нее предпочтительнее: получить всю сумму сразу или перевести деньги в ежегодную ренту. Ни на миг не усомнившись, Бриджет ответила, что предпочла бы единовременную выплату, поскольку думала о дочери и о возможности завещать ей наследство, в то время как рента продолжалась бы только до тех пор, пока сама мать жива. Поэтому сквайр оставил доброй нянюшке коттедж и крупную сумму, а вскоре умер с таким умиротворенным сердцем, какое вряд ли кто-нибудь еще уносил в мир иной. Молодой сквайр отныне перешел в ведение опекунов, а Бриджет осталась совсем одна.

Я уже сказал, что некоторое время она не получала от дочери известий. В последнем письме Мери сообщала о путешествии вместе с госпожой – английской супругой высокопоставленного иностранного офицера – и упоминала о возможности хорошей партии, но имя джентльмена таила в секрете, желая сделать матери приятный сюрприз. Как я впоследствии узнал, его положение и богатство значительно превышали все, на что девушка могла рассчитывать. Потом наступило долгое молчание. Мадам скончалась, сквайр тоже скончался. Сердце Бриджет изнывало от неизвестности, она не знала, к кому обратиться за помощью: писать не

умела, а всю переписку с дочерью прежде вел сквайр. В конце концов она отправилась в Херст, разыскала там доброго священника, которого знала еще в Антверпене, и попросила его написать дочери письмо, но ответа не получила. Точно так же можно было взывать к пустоте темной ночи.

Однажды соседи, привыкшие наблюдать, как Бриджет выходит из дома и возвращается, заметили, что давно ее не видели. Она никогда не отличалась общительностью, но, как это обычно случается, все равно давно превратилась в часть их повседневной жизни, поэтому, когда утро за утром дверь ее оставалась закрытой, а по вечерам в окнах не мерцал свет, в умах соседей постепенно возник вопрос. Кто-то попробовал открыть дверь, но та оказалась запертой. Двое-трое соседей долго совещались, можно ли заглянуть в не закрытое ставнями и даже не защищенное шторой окно, и вот наконец, собравшись с духом, решили попытаться и увидели, что исчезновение Бриджет из их тесного мирка случилось не в результате несчастья или смерти, а произошло преднамеренно. Те предметы мебели и вещи, которые поддавались сохранению от воздействия времени и сырости, были тщательно упакованы в ящики. Изображение Мадонны исчезло. Иными словами, Бриджет тайно покинула свой дом и не оставила ни малейшего намека, куда именно отправилась.

Только потом я узнал, что вместе со своим любимым спаниелем она долго бродила по миру в поисках пропавшей дочери. К сожалению, бедняжке не хватало грамотности, чтобы доверять письмам, даже если бы у нее имелось достаточно средств их отправлять, однако свято верила в силу материнской любви и не сомневалась, что рано или поздно интуиция приведет ее к Мери. К тому же заграничные путешествия не были для Бриджет Фицджеральд новым опытом. Она в достаточной степени владела разговорным французским языком, чтобы объяснить цель странствий, а католическая религия позволяла найти приют в монастырях, но жители деревни у подножия замка Старки ничего этого не знали. Некоторое время они еще интересовались, куда могла деться соседка, а потом и вообще про нее забыли. Прошло несколько лет. И замок, и коттедж стояли пустыми. Молодой сквайр жил в иных краях под присмотром опекунов. Гостиные особняка превратились в хранилища зерна и шерсти. Время от времени среди деревенских жителей возникали разговоры, не пора ли взломать дверь коттеджа Бриджет и вынести те из вещей, которые еще уцелели от разрушительного воздействия моли и ржавчины, но стоило вспомнить о сильном характере и яростном гневе хозяйки. Рассказы о ее огненном нраве и несравненной силе воли передавались из уст в уста, и постепенно мысль о причинении хотя бы небольшого ущерба ее имуществу начала внушать ужас. Возникло поверье, что, живая или мертвая, Бриджет непременно отомстит за покушение на ее добро.

Вернулась она внезапно, причем так же тихо, без предупреждения или намека, как и ушла. Просто однажды кто-то заметил, что из трубы поднимается тонкая струйка голубого дыма. Вскоре дверь открылась навстречу полдnevному солнцу, а спустя пару часов один из местных жителей поведал, что встретил старую, утомленную странствиями и печальми женщину возле колодца и на него взглянули темные строгие глаза Бриджет Фицджеральд. И все же если это действительно была она, то выглядела так, словно горела в адском огне: почерневшая, испуганная и ожесточенная. Со временем ее увидели многие, и те, кто встретился с ней взглядом, впредь старались избегать повторения. Бриджет взяла в привычку постоянно разговаривать сама с собой, причем на два голоса, в зависимости от того, кого из участников диалога представляла в данный момент, поэтому неудивительно, что те, кто подслушивал под дверью, думали, что она общается с неведомым духом. Так Бриджет Фицджеральд заслужила ужасную репутацию колдуньи.

Единственным ее компаньоном оставался прошедший рядом с хозяйкой половину Европы маленький спаниель. Однажды Миньон заболел, и она три мили несла его на руках к бывшему конюху покойного сквайра, известному искусством лечить животных. Трудно сказать, что именно сделал этот человек, но песик выздоровел, а те, кому довелось слышать ее

благодарность и благословения (скорее обещания удачи, чем молитвы), с завистью отметили, что в следующем году овцы лекаря принесли щедрый приплод и трава на лугу выросла особенно высокой и сочной.

Так случилось, что в 1711 году один из опекунов молодого сквайра, некто сэр Филипп Темпест, решил, что в угодьях подопечного его ждет особенно удачная охота, и пригласил нескольких знакомых джентльменов (то ли четверых, то ли пятерых) провести неделю в замке. По рассказам, вели они себя буйно: сорили деньгами направо и налево. Никогда не слышала других имен, кроме одного: сквайр Гисборн. Тогда он еще не достиг среднего возраста. Много времени провел за границей, где, судя по всему, познакомился с сэром Филиппом Темпестом и оказал ему какую-то услугу. В те дни это был дерзкий, распушенный молодой человек – беспечный и бесстрашный, готовый скорее вмешаться в ссору, чем остаться в стороне, причем без разбора пуская в ход крепкие кулаки, не жалея ни правого, ни виноватого. Во всем остальном те, кто его знал, утверждали, что Гисборн обладал добрым сердцем, но только если не был пьян, раздражен или сердит. Когда же мне довелось его узнать, он уже значительно изменился.

Однажды компания вернулась с охоты с пустыми руками. Во всяком случае, мистер Гисборн точно остался без добычи и оттого пребывал в скверном настроении. По обычаю опытных стрелков он возвращался домой с заряженным ружьем, а когда выехал из леса возле хижины Бриджет Фицджеральд, на дорогу выскочил Миньон. То ли от разочарования, то ли чтобы выместить злобу на беззащитном живом существе, мистер Гисборн поднял ружье и выстрелил. Лучше бы он вообще не держал в руках оружия, чем прицелиться в несчастное, ни в чем не повинное создание. Да, пуля попала по назначению; на вой своего любимца выбежала Бриджет и сразу поняла, что произошло. Она взяла спаниеля на руки и осмотрела рану. Несчастный песик взглянул на хозяйку затуманенным взором, попытался вильнуть хвостом и лизнуть залитую кровью руку, а мистер Гисборн с мрачным раскаянием проговорил:

– Надо было следить за своим негодным отребьем.

В эту минуту Миньон вытянулся на руках хозяйки и испустил дух – любимый питомец потерянной дочери, много лет разделявший скитания и горести безутешной матери. Бриджет подошла вплотную к мистеру Гисборну и, впившись своими страшными черными глазами в его угрюмые глаза, выкрикнула в отчаянии:

– Те, кто причиняет мне вред, не знают удачи! Я одинока и беззащитна в этом мире, оттого святые на небесах сочувственно прислушиваются к моим молитвам. Так услышьте же меня, благословенные! Услышьте, когда призываю несчастья на голову этого дурного, жестокого человека. Он только что убил единственное существо, которое меня любило и которое любила я. Так пошлите же ему горести, о святые! Он считал меня безответной, потому что увидел одинокой и бедной. Но разве небесное воинство не защищает таких, как я?

– Ну-ну, – проговорил мистер Гисборн с намеком на сожаление, но без тени страха. – Вот тебе крона, купи другую собаку. Возьми деньги и прекрати извергать проклятия! Мне дела нет до твоих угроз.

– Правда? – уточнила Бриджет, подходя на шаг ближе и меняя крик на шепот, от которого у ехавшего рядом с мистером Гисборном сына егеря мурашки побежали по коже. – Так живи же, чтобы увидеть любимое существо, которое глубоко любит тебя, – создание, для которого смерть стала бы счастьем. Услышьте меня, святые! Вы, кто никогда не отказывает в помощи слабым!

Она вскинула залитую кровью Миньона правую руку, и несколько капель попали на охотничий костюм мистера Гисборна: страшное зрелище для его спутника, но господин лишь презрительно холодно рассмеялся и поехал дальше, в замок. Правда, прежде чем войти в дом, достал золотую монету и протянул мальчику с наказом на обратном пути в деревню передать старухе. Как спустя несколько лет рассказал мне паренек, он «забоялся», а потому долго бродил вокруг хижины. Когда же наконец осмелился заглянуть в окно, при свете горящего очага

увидел, что Бриджет стоит на коленях перед образом Богородицы Святого Сердца, а мертвый Миньон лежит между ней и иконой. Судя по вытянутым рукам, старуха истово молилась. Мальчик в ужасе отпрянул и ограничился тем, что сунул монету в щель под дверь, а на следующий день золотую крону увидели на пыльной дороге! Она долго там лежала, потому что прохожие боялись даже прикоснуться к проклятым деньгам.

Тем временем то ли от любопытства, то ли от раскаяния мистер Гисборн решил облегчить неприятное чувство и спросил сэра Филиппа, кто такая эта старуха. Имени ее он не знал, а потому ограничился описанием внешности. Сэр Филипп тоже ничего не знал, но бывший лакей дома Старки, по случаю приезда гостей возобновивший службу, – негодяй, которого в свои лучшие дни Бриджет не раз спасала от увольнения – заявил:

– Та, о ком говорит его светлость, наверняка старая ведьма. Если кого и следует изрядно поколотить, то ее, Бриджет Фицджеральд.

– Фицджеральд! – в один голос повторили оба джентльмена, а затем сэр Филипп продолжил:

– Нет, Дикон, не смей говорить о ней в таком тоне! Должно быть, именно ее бедный Старки поручил моим заботам. Но когда я приезжал сюда в прошлый раз, старухи дома не было, и никто не знал, где она. Завтра же ее навещу. Но запомни, Дикон, и учти: если причинишь бедной женщине вред или еще раз назовешь ведьмой, мои собаки выследят тебя не хуже, чем выслеживают лису, поэтому осторожнее призывай поколотить верную служанку своего покойного господина.

– А у нее не было дочери? – после долгого молчания спросил мистер Гисборн.

– Не помню... Ах да! Кажется, была и служила горничной у мадам Старки.

– Послушайте, ваша светлость, – заговорил пристыженный Дикон. – У мистрис Бриджет была дочь – некая мисс Мери. Она уехала за границу и там пропала. Говорят, что потеря света мать с ума.

Мистер Гисборн прикрыл глаза ладонью и пробормотал:

– Глубоко сожалею о ее проклятии. Отчаявшаяся мать на многое способна. – И вдруг завопил, хотя никто не понял, что он имеет в виду: – Нет, это невозможно!

А потом приказал принести кларет и вместе с товарищами предался неумеренным возлияниям.

Глава 2

Теперь перехожу к тому времени, когда сам встретился с людьми, о которых говорю. А чтобы стало понятно, как с ними столкнулся, должен немного рассказать о себе. Отец мой был младшим сыном девонширского помещика средней руки. Старший дядя унаследовал фамильное имение, второй дядя стал видным адвокатом в Лондоне, а отец принял церковный сан и, подобно большинству бедных священников, оброс большой семьей, а потому, думаю, лишь обрадовался, когда лондонский брат-холостяк предложил забрать меня к себе, обучить и впоследствии привлечь к бизнесу.

Так и случилось, что я приехал в Лондон, поселился в доме дяди недалеко от Грейс-инн²⁷ и работал вместе с ним в его конторе, а он относился ко мне как к родному сыну. Я очень привязался к доброму пожилому джентльмену. Он представлял интересы многих сельских сквайров, а высокого положения достиг как глубоким пониманием человеческой натуры, так и знанием законов – также весьма основательным. Он не раз говорил, что юриспруденция – его профессия, а увлечение всей жизни – геральдика. И правда, он настолько основательно погрузился в историю различных семейств и связанные с ней трагические события, что любой рассказ о старинном родовом гербе превращался в пьесу или роман. Как у знатока генеалогии у него часто просили помощи, когда возникали споры относительно недвижимости. Если обратившийся за консультацией поверенный в делах оказывался молодым, гонорара дядюшка не брал, а просто читал длинную лекцию о важности изучения геральдики, если же обладал опытом и солидным положением, то назначал высокую цену, а впоследствии в разговоре со мной осуждал коллегу за недобросовестное отношение к профессии. Дядя жил на новой фешенебельной улице – Ормонд-стрит и обладал прекрасной библиотекой, хотя все книги в ней были исключительно историческими. Я работал самозабвенно и потому, что надо было содержать семью, и потому, что дядя научил получать удовольствие от деятельности, которой искренне увлекался сам, и, подозреваю, в конце концов переутомился. Во всяком случае, в 1718 году я действительно почувствовал себя так плохо, что добрый родственник встревожился из-за моего нездорового вида.

Однажды в захлавленной комнате клерков на Грейс-инн-лейн дважды прозвенел звонок. Вызов адресовался мне, и я немедленно направился в кабинет начальника. Как раз в тот момент, когда я вошел, оттуда выходил знакомый ирландский юрист, чья безмерно раздутая репутация не соответствовала заслугам.

Дядя сидел за столом, задумчиво потирая руки, и заговорил не сразу, словно не решался о чем-то мне сказать. В конце концов он велел немедленно собрать вещи и тем же вечером отправиться почтовым дилижансом в западный Честер. Прибыть туда предстояло в лучшем случае через пять дней, после чего надлежало дожидаться пакетбота в порт Дублина, оттуда переехать в Килдун и там навести справки о существовании младшей ветви семейства, к которому по женской линии перешла ценная недвижимость. Встреченный мной ирландский юрист уже успел устать от запутанного дела и был готов отдать наследство заявившему на него права клиенту, однако, внимательно изучив представленные генеалогические таблицы, дядя обнаружил так много возможных претендентов высшего уровня, что коллега попросил его взять дело в свои руки. В молодые годы дядя, конечно, с радостью отправился бы в далекое путешествие сам, чтобы на месте, в Ирландии, досконально изучить каждый клочок пергамента и выслушать все семейные легенды, ну а сейчас пожилой, усталый, страдающий подагрой джентльмен решил отправить в дальний путь меня.

²⁷ Грейс-инн – одна из четырех школ подготовки барристеров.

Вот так я попал в Килдун. Подозреваю, что в некоторой степени унаследовал дядино увлечение генеалогией, поскольку на месте очень быстро выяснил, что если бы ирландский юрист мистер Руни принял решение передать наследство своему клиенту, то навлек бы и на него, и на себя самого ужасные неприятности. Обнаружились три бедных ирландца, каждый из которых состоял с последним владельцем в более близком родстве, чем претендент, но в предыдущем поколении нашелся не замеченный и не учтенный юристами родственник, которого я выудил из памяти некоторых старых иждивенцев семьи. Что с ним стало? Чтобы найти ответ, пришлось немало поколесить по Ирландии, даже совершить путешествие во Францию и вернуться, выяснив, что, распушенный и необузданный по натуре, этот человек оставил после себя единственного сына еще более буйного нрава, чем отец. Этот самый Хью Фицджеральд женился на очень красивой девушке – служанке в доме Бернов. Супруга, хотя и ниже его по происхождению, обладала более сильным и благородным характером. Вскоре после женитьбы Фицджеральд умер, оставив младенца – сына или дочь, мне не удалось выяснить. Вместе с ребенком вдова вернулась к прежним господам. Сейчас глава семейства Берн служит во Франции, в полку герцога Бервика. Лишь спустя год я получил от него короткий высокомерный ответ на свое письмо. Полагаю, презрение офицера к гражданскому крючкотвору соединилось в нем с ненавистью ирландца к англичанину и завистью якобита²⁸ к обывателю, тихо-мирно жившему при правительстве, которое сам он считал узурпаторским. В письме говорилось, что Бриджет Фицджеральд сохранила верность его сестре, в замужестве миссис Старки, последовала за ней за границу, а потом вернулась в Англию. И сестра, и ее муж к тому времени уже умерли. О судьбе Бриджет Фицджеральд мистер Берн ничего не знал. Возможно, что-то мог сообщить сэр Филипп Темпест, опекун сына мистера и миссис Старки. Я опускаю мелкие презрительные уколы, унижительные упоминания о преданности служанки господам: все это не имеет отношения к моей истории. Я обратился к сэру Филиппу, и тот ответил, что регулярно, раз в год, выплачивает ренту пожилой женщине по фамилии Фицджеральд, что живет в деревне Колдхолм возле замка Старки, но насчет ее детей ему ничего не известно.

И вот одним сумрачным холодным мартовским вечером я приехал в описанные в начале этой истории места, но как пройти к дому Бриджет Фицджеральд, понял с трудом – так искажил язык местный диалект. Нечленораздельно произнесенные слова «вонтамгорит» лишь смутно подсказало, что следовало ориентироваться на далекие огни в окнах замка Старки, где временно жил занимавший пост дворецкого крестьянин. Сам же сквайр, которому исполнилось двадцать пять лет, совершал большое европейское турне²⁹. И вот наконец я нашел хижину Бриджет – низкий, поросший мхом домишко. Когда-то окружавший его забор сгнил и повалился, лес подступил под самые окна и, должно быть, закрыл свет. Было около семи вечера – по моим лондонским понятиям, совсем не поздно, – но, громко постучав в дверь и не получив ответа, я решил, что хозяйка уже легла спать, поэтому отправился за три мили обратно по дороге. Заметив церковь, я решил, что где-нибудь неподалеку найду либо сельскую гостиницу, либо постоялый двор.

Утром я возвращался в Колдхолм по указанному хозяином ночлежки более короткому пути. Утро выдалось морозным, и на покрытой инеем земле шаги мои оставляли заметные следы. Я сразу увидел неподалеку от тропинки пожилую женщину, остановился и, спрятавшись за кустами, принялся наблюдать. Должно быть, в молодости она была очень статной и привлекательной, потому что даже сейчас, выпрямившись, отличалась высоким ростом. Спустя минуту-другую женщина опять склонилась, словно что-то собирала с земли, а потом вдруг исчезла из виду. Наверное, я сбился с пути, потому что, когда подошел к дому Бриджет, она

²⁸ Стронник короля Якова II и его потомков, пытавшихся восстановить абсолютизм и его основу – католическую церковь после так называемой Славной революции (1688–1689).

²⁹ Принятое в те времена путешествие богатых молодых людей по Европе.

была уже там, причем без малейших признаков усталости, как если бы прошла долгую дорогу. Я постучал в приоткрытую дверь, и передо мной в молчаливом ожидании возникла величественная фигура. Из-за полного отсутствия зубов нос и подбородок почти соединились; прямые седые брови нависали над глубоко посаженными черными глазами, а густые белые волосы серебряной массой спускались на низкий широкий морщинистый лоб. Пару мгновений я стоял, не зная, как реагировать на молчаливый, но оттого не менее настоятельный вопрос.

– Вас зовут Бриджет Фицджеральд, не так ли?

Ответом послужил короткий кивок.

– У меня к вам разговор. Может, позвольте войти? Не хочу заставлять вас стоять.

– Меня это не утомляет, – возразила старая женщина, поначалу явно не желая впускать меня в комнату, но уже спустя мгновение, за которое ее взгляд, казалось, проник мне в душу, отступила, освобождая путь, и скинула с головы капюшон серого плаща из грубой ткани.

Комната выглядела бедной и пустой, однако перед уже упомянутым мною образом Мадонны стояла небольшая вазочка со свежими примулами. Пока хозяйка возносила положенную молитву, я понял, чем она занималась в зарослях возле дороги. Завершив молитву, она обернулась и пригласила меня сесть. Выражение лица, которое я не переставал изучать, было вовсе не настолько пугающим, как мне показалось поначалу. Да, лицо это действительно выглядело суровым и решительным, к тому же было явно испещрено следами одиноких страданий и слез, но не показалось мне ни коварным, ни злобным.

– Итак, меня вы знаете, – начала беседу хозяйка. – Что вас привело ко мне?

– Вашим мужем был Хью Фицджеральд из Нок-Махона возле Килдуна, в Ирландии?

В темных глазах вспыхнул слабый свет.

– Да, верно.

– Позвольте спросить: у вас были дети?

Свет в глазах разгорелся в красное пламя. Я увидел, что хозяйка пытается ответить, однако из-за душившего комка в горле не может произнести ни слова. Не желая проявить слабость перед незнакомцем, она пару минут помолчала и лишь потом заговорила:

– У меня была дочь – Мери Фицджеральд. – Здесь сила ее воли дала сбой, и, не выдержав, она воскликнула: – О господи? Что с ней?

Бриджет вскочила с места, вцепилась в мою руку и с надеждой заглянула в глаза, но поскольку прочитала в них полнейшее неведение относительно судьбы дочери, вернулась к своему стулу, села и принялась с тихим стоном раскачиваться, словно никого не было рядом. Я же не отваживался заговорить с несчастной одинокой женщиной. Посидев так немного, Бриджет опустила на колени перед Богоматерью Святого Сердца и обратилась к ней возвышенными, поэтичными словами литании:

– О, роза Шарона! О, башня Давида! О, звезда Моря! Неужто не пошлешь утешения страдающему сердцу? Неужто суждена мне вечная надежда? Пошли хотя бы отчаянье!

Так, забыв о моем присутствии, молилась бедная женщина. Молитва становилась все горячее и отчаяннее, пока не приобрела характер безумия и даже оттенок богохульства. Неосознанно стремясь остановить душевные излияния, я заговорил:

– У вас есть основания считать дочь мертвой?

Бриджет Фицджеральд поднялась с колен и опять подошла ко мне.

– Мери умерла, – проговорила она с горечью. – Больше никогда я не увижу свою девочку во плоти. Никто мне об этом не говорил, но я чувствую, что ее нет в живых. Я страстно желаю ее возвращения: воля моего сердца сильна и упорна, так что, даже если бы ее занесло на противоположный край Земли, дочь непременно услышала бы меня и вернулась. Порой удивляюсь, как мой страстный призыв и слова любви не подняли ее из могилы, ибо, сэр, расстались мы в ссоре.

Ничего, кроме необходимых с точки зрения профессии сухих юридических подробностей, я не знал, но проникся к ней глубоким сочувствием, и Бриджет прочитала это в моих глазах.

– Да, сэр, так случилось. Расстались в ссоре. Боюсь, я пожелала, чтобы ее путешествие не стало успешным. Но, Пресвятая Дева, тебе известно: я всего лишь хотела, чтобы дочка вернулась в материнские объятия как в лучшее место на свете, – только вот беда: мои желания обладают страшной силой и превосходят мои намерения. Если мои слова навлекли на Мери несчастье, то надежды не осталось!

– Но ведь вы не знаете наверняка, что ваша дочь умерла, – возразил я. – Даже сейчас в глубине души верите, что она жива и с ней все в порядке. Так послушайте же меня.

И я рассказал историю, которую поведал вам, причем изложил события как можно суше, желая возродить тот ясный разум, которым Бриджет, несомненно, обладала в молодости, а привлекая внимание к подробностям, попытался умерить ее отчаяние.

Хозяйка слушала с глубоким вниманием, время от времени задавая вопросы, свидетельствовавшие о необыкновенной остроте ума, хотя и несколько затуманенной одиночеством и долго скрываемым горем. Когда же я закончил рассказ, снова заговорила она и в нескольких кратких фразах сообщила о своих напрасных скитаниях в поисках дочери. Леди, к которой Мери поступила в услужение, скончалась вскоре после того, как матушка получила последнее письмо. Муж госпожи, иностранный офицер, служил в Венгрии, куда и отправилась Бриджет, однако слишком поздно, чтобы его застать. До нее дошли слухи, что Мери удачно вышла замуж, и ей стало казаться, что дочь где-то неподалеку, только под другим именем. В конце концов, Мери вполне могла вернуться домой – в деревню Колдхолм, расположенную в котловине Болланд, графство Ланкашир, Англия, поэтому несчастная женщина отправилась в обратный путь, но обнаружила хижину пустой, а очаг холодным. Рассудив, что если Мери жива, то будет искать матушку не где-нибудь, а в родном доме, Бриджет решила остаться.

Я записал кое-какие подробности из рассказа Бриджет, которые могли оказаться полезными, поскольку не собирался прекращать свои изыскания. Почему-то мне казалось, что нужно возобновить поиск и именно там, где остановилась Бриджет, причем причина такого решения заключалась вовсе не в прежних мотивах (заинтересованности дяди, моей собственной профессиональной репутации и тому подобном), а в какой-то неведомой силе, лишь в то утро овладевшей моей волей и направившей ее в странное русло.

– Немедленно займусь поисками, – пообещал я. – Доверьтесь мне. Узнаю все, что можно узнать, и сообщу вам каждую подробность, доступную с помощью денег, усилий и интеллекта. Вполне возможно, что дочь ваша давно умерла, но ведь у нее мог остаться ребенок.

– Ребенок! – воскликнула Бриджет с такой страстью, словно даже не предполагала чего-то подобного. – Услышь его, о, Святая Дева! Почему ты ни разу мне не намекнула, что у Мери может быть ребенок? Я же просила послать знак!

– Нет, я ничего не утверждаю, – возразил я. – Вы сказали, что слышали о ее замужестве, вот я и подумал...

Однако слова мои не коснулись сознания Бриджет: забыв о моем присутствии, она опять принялась молиться в неумном экстазе.

Из Колдхолма я отправился к сэру Филиппу Темпесту. Кузина его отца была супругой иностранного офицера, поэтому я подумал, что смогу получить кое-какие сведения о графе Тур де Оверне и узнать, где можно его найти. Как известно, неожиданные вопросы оживляют увядшие воспоминания, а потому я решил не упускать представившейся возможности. Увы, оказалось, что сэр Филипп уехал за границу, и ответ от него придет не скоро, поэтому я последовал совету дяди, которому рассказал, как устал от запутанного расследования, и немедленно отправился в Харрогит, и чтобы ожидать письма там. Следовало оставаться неподалеку от

одного из основных мест расследования – Колдхолма, а также от поместья сэра Филиппа на случай его возвращения, поскольку предстояло задать ему ряд вопросов.

Еще дядюшка посоветовал на время вообще забыть о делах, но сделать это оказалось не так-то просто.

Мне доводилось видеть, как в ветреную погоду на открытом пространстве ребенок не может устоять на ногах, вот и я сейчас находился примерно в таком же опасном состоянии, только не физически, а умственно. Непреодолимая сила гнала мысли в поиске кратчайшего пути к цели. Выходя на прогулку, я не замечал, что шагаю по топкому болоту, а когда читал книгу, почти не понимал смысла. Даже во сне мысли не останавливались ни на минуту, а своевольно продолжали течь в одном направлении. Ясно, что подобное состояние сознания не могло не оказать разрушительного воздействия на здоровье. Я заболел, но недуг хоть и принес физические страдания, зато существенно облегчил душевные, поскольку вынудил жить здесь и сейчас, а не погружаться в призрачные расследования, как прежде. Добрый дядюшка приехал, чтобы за мной ухаживать, и как только миновала непосредственная опасность, жизнь моя на два-три месяца превратилась в блаженное безделье. Боясь снова попасть в водоворот поисков и сомнений, я даже не спрашивал, пришел ли ответ от сэра Филиппа, и вообще старался не вспоминать о предмете расследования. Дядя оставался со мной почти до середины лета, пока дела не призвали его обратно в Лондон. К этому времени я абсолютно поправился, хотя еще не совсем окреп. Мне предстояло последовать за ним спустя две недели, чтобы, по его словам, «прочитать кое-какие письма и обсудить кое-какие вопросы». Я понял смысл его слов и испугался возвращения к теме, спровоцировавшей начало болезни. И все-таки в моем распоряжении оставалось еще целых две недели свободного существования среди воодушевляющих болот Йоркшира.

В то время в Харрогите, неподалеку от целебного источника, имелась большая гостиница, но и она в разгар сезона не могла вместить всех желающих, так что многим приезжим приходилось снимать жилье в сельских домах неподалеку. Сейчас же, в самом начале сезона, кроме меня, в гостинице никого не было, а хозяйева успели так привыкнуть ко мне за время долгой болезни, что я уже чувствовал себя почти их родственником. Хозяйка по-матерински журила меня за то, что слишком долго гуляю по болотам и редко ем, а ее супруг консультировал относительно вин и местных пород лошадей. Изредка во время прогулок я встречал других отдыхающих, и еще до отъезда дяди обратил внимание на странную пару: молодую даму необычной внешности, неизменно сопровождаемую пожилой компаньонкой, вряд ли благородного происхождения. Когда приближался кто-то посторонний, дама сразу опускала густую вуаль, так что мне лишь пару раз, на крутых поворотах дорожки, удалось увидеть ее лицо открытым. Не могу с уверенностью назвать его красивым, хотя впоследствии пришел к такому мнению, но его выражение производило впечатление глубокой непреходящей печали – тихого, отрешенного страдания, привлекавшего меня не с любовью, а с сочувствием к молодой, но безнадежно несчастной душе. Выражение лица старшей спутницы также отличалось сдержанной, замкнутой меланхолией. Я спросил хозяина гостиницы, кто это такие, и он ответил, что дамы представились как мать и дочь по фамилии Кларк, но что касается его, то он не верил, что они сказали правду. Они жили в Харрогите довольно давно: снимали комнату в одном из отдаленных сельских домов. Хозяйева про них ничего не знали: квартирантки платили исправно и не доставляли никаких неприятностей, так с какой стати им лезть к ним с расспросами? Поговаривали, будто одна из женщин доводилась крестьянину родственницей. Возможно, данное обстоятельство и требовало проявлять сдержанность.

– Что же вынудило их вести столь уединенную жизнь? – поинтересовался я.

На этот вопрос хозяин ответить не смог. Слышал, правда, что, несмотря на скромную внешность, время от времени молодая леди вела себя крайне странно. Когда же я спросил о подробностях, он лишь покачал головой и не сказал ни слова, отчего я решил, что он просто

ничего не знал, поскольку обычно отличался общительностью и разговорчивостью. В отсутствие других развлечений после отъезда дяди я занялся наблюдением за этими таинственными особами. Неведомая сила заставляла меня слоняться по местам их прогулок с тем большим интересом, что частые встречи вызывали у них явное раздражение. Однажды мне повезло оказаться рядом, когда их испугал агрессивно настроенный бык: на неогороженных пастбищах подобная встреча могла стать особенно опасной. Могу поведать и о других, более важных событиях, чем возможность их защитить. Достаточно сказать, что этот случай послужил началом знакомства, неохотно признанного ими, однако энергично поддержанного мной. Не могу точно определить тот момент, когда любопытство переросло в совсем иное чувство, однако не прошло и десяти дней после отъезда дяди, как я страстно влюбился в мистрис Люси, как называла ее спутница, старательно – это я отметил особенно – избегая обращений, намекающих на равенство положения. Должен сказать, что после первого сопротивления настойчивому вниманию миссис Кларк – старшая из дам – начала откровенно поощрять мою привязанность к молодой спутнице, очевидно, испытывая некоторое облегчение от возможности разделить тяжкую ношу ответственности. Во всяком случае, она неизменно радовалась моим визитам, чего никак нельзя сказать о самой Люси. И все же, несмотря на замкнутость манер и откровенную отчужденность, никогда в жизни не встречал я особы более привлекательной. Я сразу почувствовал, что в чем бы ни заключалась причина печали, ее собственной вины здесь не было. Вовлечь Люси в беседу было непросто, но в те редкие моменты, когда удавалось на миг-другой склонить ее к разговору, лицо вспыхивало живым умом, а мягкие серые глаза смотрели доверчиво и серьезно. Должен признаться: чтобы навестить ее, я использовал любой, даже самый малый предлог: собирал букеты для Люси; придумывал интересные прогулки для Люси; регулярно наблюдал за ночным небом, не теряя надежды, что однажды необыкновенная красота оправдает мою попытку увлечь миссис Кларк и Люси в болота, чтобы полюбоваться огромным лиловым куполом.

Мне казалось, что Люси знает о моих чувствах, но по какой-то неведомой причине вынуждена держаться на расстоянии. В то же время я видел – или воображал, что видел, – как сердце ее тянется ко мне, хотя в сознании происходит столь ожесточенная борьба, что хотелось умолять ее пожалеть себя. Да, я так глубоко любил, что был готов пожертвовать собственным счастьем, ибо видел, как лицо любимой становится еще бледнее, печать печали еще явственнее, а хрупкий стан еще тоньше. Я написал дяде и без объяснения причин попросил позволения продлить пребывание в Харрогите. Его забота обо мне оказалась столь искренней и глубокой, что уже через несколько дней пришел положительный ответ. Добрый родственник лишь просил беречь себя и не совершать долгих прогулок в жару.

Одним душным вечером я подошел к заветному дому и сквозь открытые окна услышал знакомые голоса, а, завернув за угол, в одном из двух окон их комнаты явственно увидел Люси, но, когда постучал в их дверь (которая никогда не закрывалась) и вошел, меня встретила лишь миссис Кларк, почему-то нервно и суетливо собиравшая разложенное на столе рукоделие. Интуиция подсказала, что назревает важный разговор: похоже, мне предстоит объяснить цель столь частых визитов. Я обрадовался этому обстоятельству, тем более что дядя уже несколько раз упоминал о приятной возможности увидеть в старом доме на Ормонд-стрит мою молодую жену. Он был богат, а мне предстояло унаследовать его состояние. К тому же я уже заслужил репутацию достойного молодого юриста. Короче говоря, препятствий со своей стороны я не видел. Но Люси была окружена ореолом тайны. Я ничего о ней не знал: ни настоящего имени, ни происхождения, но нисколько не сомневался в ее истинной добродетели и чистосердечной невинности. И хотя понимал, что постоянная печаль обусловлена какой-то болезненной тайной, был готов разделить тяжесть горя, в чем бы оно ни заключалось.

– Мы полагаем, сэр, – нервно начала мистрис Кларк, – по крайней мере, я полагаю, что вы знаете о нас очень мало, так же как и мы о вас. Особенно для столь близкого знакомства, кото-

рое возникло. Прошу прощения, сэр, я женщина простая и вовсе не хочу показаться невежей, но все же должна сказать прямо: нам – мне – кажется, что для вас было бы лучше не навещать нас так часто. Люси совсем беззащитна и...

– Но почему же, дорогая мадам Кларк? – горячо воскликнул я, радуясь возможности открыть свои чувства. – Признаюсь: прихожу я потому, что полюбил мистрис Люси и хочу, чтобы и она ответила мне взаимностью.

Мистрис Кларк со вздохом покачала головой.

– Прошу, сэр, ради всего святого, не надо внушать любовь девочке! Если мое предупреждение опоздало и вы уже успели проникнуться глубоким чувством, то забудьте ее. Забудьте эти несколько последних недель. Ах, нельзя было позволять вам приходить в этот дом! – добавила она в отчаянии. – Но что же мне делать? Мы покинуты всеми, кроме великого Господа, но даже он позволяет неведомой злой силе причинять нам страдания. Что мне делать? Чем все это закончится? – Она в глубокой муке заломила руки и взмолилась: – Уходите, сэр, уходите, пока любовь ваша не стала еще глубже! Прошу ради вашего блага. Умоляю! Вы так добры к нам и внимательны, всегда будем вспоминать вас с благодарностью, но все же уходите и больше никогда не пытайтесь встать на нашем жестоком пути!

– Право, мадам, как вы можете требовать такое, да еще ради моего же блага? Я ничего не боюсь и хочу лишь одного: услышать правду, причем всю, какой бы она ни оказалась. В последние несколько недель я узнал мистрис Люси во всей ее добродетели и невинности, хотя – прошу прощения – не мог не заметить, что по какой-то причине вы с ней очень одиноки, переживаете глубокое горе и подвержены острым душевным страданиям. Хотя сам я не обладаю властью, все же имею настолько мудрых и добрых друзей, что можно назвать их могущественными. Так поделитесь же своим горем. В чем заключается ваша тайна? Почему вы прячетесь здесь? Торжественно заявляю, что ничто из сказанного вами ни на миг не поколеблет моего желания жениться на Люси. Точно так же ни одна трудность не собьет меня с избранного пути. Вы жалуетесь на отсутствие друзей. Так зачем же гоните преданного друга? Готов назвать вам имена и адреса тех, кому вы сможете написать и получить подробные характеристики как моей личности, так и благосостояния. Не боюсь никаких вопросов.

Мистрис Кларк опять покачала головой:

– Вам лучше уйти, сэр. Вы ничего о нас не знаете.

– Знаю ваши имена, – возразил я, – и слышал, как вы упоминали о том, что прибыли из дикого и уединенного места. Там живет не так много народу, так что можно отправиться туда и узнать все подробности, но мне хотелось бы услышать всю правду от вас.

Как видите, я пытался добиться от собеседницы конкретных сведений.

– Наши настоящие имена вам неизвестны, сэр, – поспешила возразить мистрис Кларк.

– Признаюсь, так я и думал. Так скажите же, умоляю, кто вы, и объясните, почему не верите в мои намерения в отношении мистрис Люси.

– О, что же мне делать? – в безысходной растерянности воскликнула собеседница, и вдруг ее словно осенило. – Подождите! Скажу вам кое-что. Не могу открыть всего, ибо вы не поверите, но, возможно, мои слова охладят ваше безнадежное чувство. Я не мать Люси.

– Это я давно понял. Продолжайте.

– Не знаю даже, законный она или незаконный ребенок своего отца, но он жестко настроен против нее, а матушка ее давно скончалась. Так случилось, что бедняжке больше никому довериться, кроме меня, а ведь всего пару лет назад она была любимицей и гордостью отцовского дома! Видите ли, сэр, существует тайна, способная настичь ее в любую минуту. И тогда вы отвернетесь от нее, как это сделали все ваши предшественники, а когда вновь услышите ее имя, то покроете его проклятиями. Именно так поступали все, кто любил Люси. Мое бедное дитя не знало жалости ни от Бога, ни от людей! О, лучше бы она умерла!

Добрая женщина разрыдалась. Признаюсь, последние слова меня поразили, но лишь на миг. Во всяком случае, я не мог уйти, не узнав точно, в чем заключается мистическое пятно на жизни и судьбе столь чистого и простого существа, каким казалась мистрис Люси, о чем и сказал собеседнице.

– Если вы, сэр, осмелитесь дурно подумать о моей девочке после того, как узнали ее такой, как она есть, значит, вы плохой человек, – услышал я в ответ. – Но в своем бескрайнем горе я настолько глупа и беспомощна, что склонна надеяться найти в вас друга. Верю, что, даже перестав любить Люси, вы не перестанете нас жалеть, а может, благодаря своей учености подскажите, куда обратиться за помощью.

– Умоляю, раскройте тайну! – вскричал я, обезумев от тягостной неизвестности.

– Не могу, – твердо заявила мистрис Кларк. – Я поклялась молчать. Если кто-то и сможет вам рассказать, то только сама Люси.

С этими словами дуэнья покинула комнату, а я, пока в одиночестве обдумывал странный разговор, механически прочитал названия нескольких лежавших на столе книг и невидящим взглядом окинул приметы частого присутствия Люси в этой комнате.

Уже потом, вернувшись домой, я вспомнил каждую мелочь и понял, что все они свидетельствовали о чистом нежном сердце и невинной жизни.

Мистрис Кларк вернулась со следами слез на лице и с горечью проговорила:

– Случилось то, чего я опасалась. Люси любит вас так искренне и глубоко, что готова рискнуть и поведать о себе всю правду. Понимает, что шанс призрачен, но ваше сочувствие станет бальзамом для ее души. Приходите завтра в десять утра, и, если надеетесь на жалость в час агонии, скройте любое проявление страха или отвращения к страдальце.

Я ободряюще улыбнулся ей и заверил, что ничего не боюсь. Казалось абсурдом, что я смогу испытать неприязнь к Люси.

– Отец любил девочку всем сердцем, – мрачно возразила мистрис Кларк, – однако выгнал из дому, как чудовище.

В этот миг из сада долетел звонкий смех. Можно было подумать, что Люси стояла возле открытого окна и внезапно услышала или увидела что-то такое, что вызвало у нее приступ внезапного веселья, да такого, что граничил с истерикой. Не могу объяснить почему, но странный смех глубоко ранил меня. Люси знала, о чем мы беседуем, и должна была понимать, как взволнована ее добрая наставница. Сама же она обычно оставалась тихой и спокойной. Я встал, намереваясь подойти к окну и удовлетворить любопытство, чем вызван столь неожиданный и неуместный приступ смеха, но мистрис Кларк что было силы сжала мою руку, заставив остаться на месте, и воскликнула:

– Ради всего святого, не двигайтесь, посидите спокойно. Потерпите. Завтра все узнаете. А потом предоставьте нам самим справляться со своими несчастьями. Не пытайтесь что-нибудь выяснить.

Смех повторился – такой музыкальный и в то же время ранивший сердце. Мистрис Кларк вцепилась в мою руку еще крепче: подняться, не применяя физической силы, я не мог, поэтому продолжал сидеть спиной к окну, но все-таки ощутил прошедшую между мной и солнцем тень и вздрогнул. Через минуту-другую хватка ослабла, и мистрис Кларк строго повторила:

– Уходите. Еще раз предупреждаю: вряд ли вы сумеете принять то знание, какого так упорно добиваетесь. Если бы решение зависело от меня, то Люси никогда бы не согласилась открыть вам свою тайну. Кто знает, что из этого выйдет?

– Я тверд в желании услышать всю правду. Вернусь завтра ровно в десять утра. Надеюсь увидеться с мистрис Люси наедине.

Испытывая сомнения относительно здравомыслия самой мистрис Кларк, я повернулся, намереваясь уйти.

В сознании роились догадки относительно ее намеков и неприятные мысли по поводу странного смеха за окном. Этой ночью уснуть я не смог. Встал очень рано и задолго до назначенного часа уже ступил на тропинку, что вела через общий луг к старому дому, где квартировали мои знакомые. Очевидно, мистрис Люси провела ночь ничуть не лучше меня, судя по ее внешнему виду: она медленно шла мне навстречу с опущенным взглядом и с самым скромным, спокойным выражением лица, но, заметив меня, вздрогнула, а когда я напомнил о назначенной встрече и с нескрываемым нетерпением заговорил о досадных препятствиях, заметно побледнела. Все таинственные, пугающие намеки мгновенно испарились из памяти, равно как и жуткий смех. В сердце родились пламенные слова, а язык их произнес. Слушая мои признания, Люси то вспыхивала румянцем, то вновь бледнела, а как только я закончил страстную речь, подняла взгляд и проговорила:

– Но ведь вам известно, что необходимо кое-что услышать обо мне. Хочу сказать, что не стану думать о вас хуже, если, едва узнав правду, сразу от меня отвернетесь. Словно опасаясь нового потока безумных объяснений в любви, девушка воскликнула: – Позвольте мне рассказать свою историю. Отец мой – очень богатый человек, а матушку я не знала: должно быть, она скончалась, когда я была совсем маленькой. Первое, что помню, – жизнь в огромном пустынном доме со своей дорогой, преданной мистрис Кларк. Даже отец навещался туда крайне редко. Он военный, служил за границей, но иногда возвращался и, кажется, с каждым приездом проникался ко мне все большей любовью. Всякий раз привозил подарки из дальних стран, которые даже сейчас говорят о том, что он постоянно обо мне думал. В то время я не размышляла о его отношении: отцовская привязанность казалась столь же естественной, как воздух. Хотя даже тогда он время от времени вскипал гневом, но никогда по отношению ко мне, к тому же отличался безрассудством, а пару раз мне даже доводилось слышать шепот слуг о том, что над ним висит злой рок, а он это знает и пытается утопить страх не только в отчаянных поступках, но порой даже в вине. Так я росла в уединении огромного особняка. Казалось, все вокруг принадлежало мне и все меня любили. Во всяком случае, я любила всех. Так продолжалось до тех пор, когда примерно два года назад вернулся отец и проникся особой гордостью и нескрываемым восхищением как моей внешностью, так и манерами. И вот однажды вино до такой степени развязало ему язык, что он рассказал много такого, о чем я прежде не подозревала: о том, как горячо любил мою матушку, например, но своим поведением обрек ее на смерть, а потом признался, что любит меня больше всех на свете и когда-нибудь непременно возьмет в дальнейшее путешествие, потому что жестоко страдает в разлуке с единственным ребенком. И вдруг настроение отца необъяснимым образом изменилось: внезапно он впал в дикий гнев и приказал не верить ничему из того, что я только что услышала, что на самом деле он многое любил намного больше: лошадь, собаку... не знаю, что еще.

На следующее утро я, как обычно, пришла к нему в комнату за благословением, но отец встретил меня враждебно и спросил, с какой стати я развлекалась столь низким и непотребным занятием, как танец среди клумб с нежными тюльпанами, луковицы которых он привез из Голландии. Но в то утро я еще вообще не выходила из дому и не могла понять, что он имеет в виду. Тогда он назвал меня лгуньей, поскольку якобы собственными глазами видел мое непристойное поведение. Что я могла сказать в свое оправдание? Отец не желал ничего слушать, а слезы лишь вызвали у него раздражение. В тот день начались мои несчастья. Вскоре отец обвинил меня в недостойном леди фамильярном обращении с его конюхами: заявил, что видел, как я разговариваю и смеюсь с ними в конном дворе. На самом же деле, сэр, лошади всегда вызывали у меня страх, к тому же отцовские слуги – те, которых он привозил из дальних стран, – казались мне такими дикими, что я старалась их избегать, а если и разговаривала, то лишь в случае крайней необходимости, когда леди должна проявить внимание к подчиненным. И все же отец называл меня такими словами, значения которых я не знаю, однако сердце подсказывало, что они оскорбляют достоинство любой порядочной девушки. С того момента он возненавидел

меня лютой ненавистью. Больше того, сэр: через несколько недель явился с кавалерийским хлыстом в руке и, зло обвинив меня в ужасных поступках, о которых я понятия не имела, едва не ударил. Обливаясь горькими слезами, я была готова принять побои, казавшиеся благом по сравнению с жестокими оскорблениями, но внезапно рука его замерла в воздухе, а сам отец закачался и в ужасе воскликнул: «Проклятье!»

Я взглянула в недоумении в большое зеркало напротив и увидела собственное отражение, а за ним – другое: порочное существо, настолько похожее на меня, что душа задрожала, не понимая, какому из двух воплощений принадлежит. В тот же миг отец тоже узрел мою копию во всей страшной реальности, в какой она могла предстать, или в не менее пугающем отражении в зеркале. Но что произошло потом, сказать не могу, потому что упала в обморок, а в себя пришла уже в постели. Рядом сидела верная мистрис Кларк. Я не вставала много дней, однако в это время все обитатели дома видели, как я разгуливаю по комнатам, коридорам и саду и занимаюсь самыми разнообразными разрушительными или непристойными делами. Стоит ли удивляться, что все в ужасе от меня шарахались, а отец в конце концов не выдержал позора и выгнал меня из дому? Мистрис Кларк не бросила меня в беде. Мы уехали сюда, и с тех пор живем в молитвах и благочестии, надеясь, что со временем проклятие себя исчерпает.

Пока Люси рассказывала, я не переставал мысленно анализировать и оценивать невероятную историю. До сих пор я неизменно отметал случаи колдовства, считая их опасным суеверием, и все же повествование склоняло именно к таким мыслям. Или просто у слишком чувствительной девушки не выдержали нервы от долгой уединенной жизни? Скептицизм под-сказывал вторую версию, а потому, как только Люси умолкла, я предположил:

– Полагаю, что хороший врач вполне смог бы справиться с проблемой вашего батюшки...

И в тот же миг, стоя напротив собеседницы в ярком утреннем свете, я увидел за ее спиной другую фигуру: отвратительное подобие, в точности соответствующее внешности и малейшим деталям одежды, однако со сквозившей в насмешливом и сластолюбивом взоре серых глаз демонической душой. Сердце мое, казалось, застыло, волосы встали дыбом, кожа покрылась мурашками от ужаса. Я уже не видел тихую, нежную, спокойную Люси: взгляд приковало стоявшее за ее спиной необъяснимое существо. Сам не знаю, что заставило меня протянуть руку и попытаться его схватить. Увы, ничего, кроме воздуха, я не ощутил, и кровь заледенела от страха. На миг я ослеп, а когда зрение вернулось, увидел перед собой смертельно бледную и, как показалось, ставшую ниже ростом Люси.

– «Это» появилось возле меня? – спросила она тихо.

Голос утратил чистоту и стал хриплым, как звук старого клавесина, струны которого перестали вибрировать. Полагаю, ответ был написан на моем лице, потому что говорить я не мог. Поначалу Люси выглядела испуганной, но скоро страх сменился смиренной покорностью. Наконец, набравшись храбрости, она обернулась и увидела лиловые болота и мерцающие в солнечных лучах далекие голубые холмы.

– Не могли бы вы проводить меня домой?

Я взял ее под руку и молча повел по цветущему вереску. Говорить мы не осмеливались, опасаясь, что невидимое ужасное существо услышит беседу, материализуется и разлучит нас. Никогда я не любил Люси столь же преданно и нежно, как сейчас, когда – и в этом заключалось невыразимое несчастье – сама мысль о ней неразрывно связывалась с ужасом перед диким существом. Казалось, Люси понимала мои чувства. У калитки своего сада выпустила руку, которую до этой минуты крепко сжимала, и направилась к смотревшей на нее из окна дуэнье. Я не смог войти в дом: нужно было как-то отвлечься и сменить обстановку, чтобы сбросить ощущение страшного присутствия, и все-таки, сам не понимая почему, не покидал сад. Возможно, просто боялся снова встретить на пустынном лугу исчезнувшее там привидение, а может быть, из-за невыразимого сострадания к бедной Люси. Через несколько минут ко

мне присоединилась мистрис Кларк. Некоторое время мы шли молча, потом она многозначительно проговорила:

– Теперь вам все известно.

– Я видел «это» собственными глазами, – пробормотал я едва слышно.

– И теперь, конечно, бросите нас, – продолжила мистрис Кларк с безнадежностью, всколыхнувшей в моей душе все, что было благородного и смелого.

– Ничуть, – возразил я. – Хотя, конечно, человеческой природе свойственно отступать перед силами тьмы, по какой-то неведомой мне причине овладевшими чистой, добродетельной Люси.

– Дети отвечают за грехи отцов, – отозвалась спутница.

– Кто ее отец? Зная столько, сколько уже знаю, я имею право знать больше... знать все. Умоляю, мадам, поведать то, что вам известно о демоническом преследовании невинного создания.

– Расскажу, но не сейчас. Надо немедленно вернуться к Люси. Приходите сегодня днем. Встречу вас одна. О, сэр! Хочу верить, что вы найдете какой-нибудь способ помочь нам в несчастье!

Охвативший меня сверхъестественный ужас лишил сил, так что, вернувшись в гостиницу, я с трудом, словно пьяный, поднялся по лестнице и добрал до своей комнаты. Прошло немало времени, прежде чем еженедельная почта доставила письма: одно от дядюшки, второе из дома в Девоншире, а третье – переадресованное и запечатанное импозантным гербом – от сэра Филиппа Темпеста. Мое письмо с вопросом о судьбе Мери Фицджеральд застало его в Льеже, где в это время квартировал граф Тур де'Овернь. Он вспомнил прекрасную горничную своей жены и их разговор на повышенных тонах относительно связи молодой особы со знатным английским джентльменом, также служившим за границей. Графиня подозревала офицера в дурных намерениях, в то время как гордая и вспыльчивая Мери возражала, что тот скоро на ней женится, и воспринимала предупреждения госпожи как оскорбление. В результате этой ссоры горничная оставила службу у мадам Тур де'Овернь, чтобы соединиться с английским джентльменом. Женится офицер на ней или нет, сэр Филипп не знал, однако добавил:

«Подробности о судьбе Мери Фицджеральд вы сможете без труда узнать у самого англичанина, поскольку, как я подозреваю, это не кто иной, как мой сосед и бывший знакомый мистер Гисборн из Скипфорд-холла, что в Уэст-Райдинге. Благодаря некоторым мелким деталям осмеливаюсь заключить, что это именно он. Взятые по отдельности, детали эти ничего особенного не представляют, но, соединившись, являют собой убедительные предположительные свидетельства. Насколько я мог понять по иностранному произношению графа, имя англичанина звучало как „Гисборн“. В то же время мне известно, что некий Гисборн из Скипфорда в то время служил за границей и вполне годился для подобного подвига. Кроме того, вспоминаю его высказывание относительно некой Бриджет Фицджеральд из Колдхолма, которую он однажды встретил во время нашего совместного пребывания в поместье Старки. Казалось, внезапное столкновение с этой женщиной произвело на него колоссальное впечатление, словно открыв некую связь с его прошлой жизнью. Буду рад и впредь оказать любую посильную помощь. Когда-то ваш дядюшка сослужил мне отличную службу, так что готов ответить тем же племяннику».

Благодаря посланию сэра Филиппа я приблизился к открытию, над которым ломал голову многие месяцы, однако внезапный успех утратил ценность. Отложив письма, я забыл о них, предавшись размышлениям о событиях утра. Ничто не казалось реальным, помимо нереаль-

ного присутствия, подобно пагубной болезни поразившего зрение и оставившего огненную печать в сознании. Принесенный обед остался нетронутым, а я, решив, что время уже позволяет, отправился с визитом к новым знакомым, где с радостью и облегчением застал мистрис Кларк в одиночестве и в полной готовности поведать все, что пожелаю услышать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.